

ЭВОЛЮЦИЯ ХРИСТИАНСТВА

или хвала католикам?

I. Община как Бог

Человек живет не только в мире вещей, тел, объектов, но и в мире личностей, душ. Тот и другой миры существуют как бы параллельно, не сводясь друг к другу и не выводясь одно из другого. Жалкие теории отражения ничего не объясняют, как и представления о сотворении мира из ничего.

Мир личностей - это, прежде всего, мир людей, их Я. Этот мир воспринимается всеми органами чувств.

Но есть еще один мир личностей, который не воспринимается органами чувств, который нельзя отождествить с каким-либо конкретным организмом. Это мир общинных личностей, мир Я общин. Он возникает в группах людей, как малых, так и больших, возникает автоматически, независимо от воли и желания людей. Люди не могут общаться с ними без особых процедур, ритуалов, да и в этом случае общение принимает форму откровения, благодати, "божественного света" и доступно не всем и не всегда, а людям неверующим представляется призрачным.

Проявления этого мира личности Я-общины можно изучать. Законы толпы - это некоторые проявления Я общины. Классический пример полноценной и самодержавной общинной личности - это пример первобытной общины, полностью растворившей индивидуальную человеческую личность.

Общинные личности являются столь же полноценными, реальными, как и личности индивидуальные. Они тоже развиваются. Они также имеют свою иерархию. Например, личность случайной толпы случайна, слепа, неразумна. Личность регулярной общины, будь то первобытный род, первобытное племя, современный народ, несравнимо более развита и разумна. Она существует не часы и дни, в зависимости от времени физического существования толпы или конкретной цели, ею движущей, а в течение так называемого "большого цикла", имманентного ей срока жизни, обусловленного ее внутренними законами. "Большой цикл" - это 768 лет (3x4x4x4x4). Время жизни регулярной общины несколько меньше этого срока, т.к., скорее всего, существует срок между ее смертью и новым рождением.

Мифология и религия являются рациональными системами, обеспечивающими власть общинных Я над Я индивидуальными, власть общины над обществом. Бог - это личность общины. Многочисленные боги языческих народов когда-то были богами конкретных общин, а затем, по мере формирования народов, приобрели функциональные роли и постепенно стали скорее объектами внимания искусства и философии, чем проявлениями общинных Я.

Я нации, Я народа является общинным и в своей основе религиозным самосознанием, так как религия имеет адекватный язык для ее описания, так как только в религии создана адекватная и цельная система ритуала (литургии), активизирующая Я-общины, связывающая индивидуальные сознания с сознанием общинным, так как именно в религии сконцентрирована историческая память народа как общинной личности.

II. Общинность и индивидуализм

Чем отличается индивидуализм от неиндивидуализма?

Исторически общинное сознание было первой и долгое время единственной формой сознания человечества. В первобытных обществах человек, как индивидуум, сам почти ничего не решает, решают боги, т.е. личности общины.

Индивидууму здесь остается только физическое управление своим телом и реализация бедных профессиональных навыков охотника, рыболова, собирателя, воина, а в более поздних обществах, скотовода, земледельца.

Но с разложением первобытнообщинного общества, с появлением классов, зачатков государства, усложнением профессиональной и умственной деятельности, в индивидуальном сознании появляются абстрактные понятия и слова, их обозначающие, резко увеличивается личная свобода.

Первобытная община уже не всегда отвечает на вопросы жизни, зато некоторые ответы находит индивидуальный разум. Человек перестает быть членом только родовой общины. Он становится и членом обществ, т.е. государственных, производственных, социальных иерархий; частицей и носителем рыночных отношений. Мыслящий или просто активный человек становится также и членом общностей - групп людей, исповедующих одинаковые или близкие взгляды, теории, философию. Кроме того, человек становится членом не одной общины или двух тесно связанных между собой общин - племени и рода, а членом нескольких, не всегда связанных между собой общин: семейной, по месту жительства, родовой, национальной. Все это дает индивидууму небывалую ранее свободу, как от общины, так и от окружающей человека природы. Абстрактные понятия и логическое мышление становятся столь же мощным инструментом и преобразователем сознания, как орудия труда в его руке.

Слово, символ, языковая система, а потом и письменность стали основой индивидуализма, эффективным оружием в его борьбе за собственное освобождение. Личная воля соединилась с индивидуальным разумом. Возникло то самое Я человека, которое современный человек так любит и ценит, как свое основное достояние.

Но, освобождаясь от власти богов, индивидуальный разум не мог порвать пуповину, связывающую его с прошлым, он вынужден был стремиться к балансу воли и разумов, индивидуальных и общинных. Проблема здесь, кстати, не в грузе прошлого, а в том, что по своей природе понятийное мышление сильно в анализе, но слабо в синтезе, разум рождает демонов, которых самостоятельно не в силах удержать. Но дело не только в последствиях. Индивидуализм оказался бы беспомощен, если в своей духовной работе опирался бы только на логику и даже хорошую поисковую интуицию. Честный мыслитель непременно поверяет как исходные определения, так и выводы, обращением к неким измерителям, находящимся в его душе. Он им верит без каких-либо доказательств. Это то, что можно назвать чувствами меры, добра, справедливости, здравого смысла, красоты и гармонии, а также то, что называют совестью.

Если новое знание проходит тест этих строгих экзаменаторов, то теоретическая схема или разумное предположение наполняются для человека глубоким смыслом и становятся частью его мировоззрения. Именно эти авторитетные экзаменаторы являются посланниками Бога (общинного Я) человеку. И место их встречи - душа человека.

Поэтому индивидуализм никогда не стал бы самостоятельным, не стал бы оппонентом и дополнением общинному сознанию, не стал бы самоценным Я-человека, его личностью, если бы был изолированным мышлением, только логической и интуитивно-поисковой системой. Индивидуализм - это еще и путь к Богу, но путь снизу, лично (индивидуально) осуществляемый человеком. Это путь к семи

судьям, поставленным в душе человека самим Богом, имя которым: Мера, Добро, Справедливость, Здравый Смысл, Гармония, Красота и Совесть.

Взаимодействие Общины и Индивидуума (Бога и Человека) противоречиво. С одной стороны, Бог "тащит" личность и общество назад, в общину, в безликость, но с другой - он закрепляет (освящает) основные достижения индивидуализма, одновременно устраняя перекосы и синтезируя цельную систему общественных отношений. Более того, Бог обладает даром предвидения на 600-700 лет вперед. Впрочем, возможно, он заглядывает и дальше, но в этом случае быстро растет вероятность ошибки (да, да, ошибки самого Бога!).

Индивидуализм не может существовать без общинности, в одиночку он не может изменить общество без того, чтобы не разрушить его. Ни новая (т.е. национальная) общинность, ни индивидуализм не могут друг без друга развиваться. Нация здесь - это пирамида обществ - общностей - общин, на вершине которой (или в основании - как хотите) находится суперобщина, личность Я-общины.

Их единство противоречиво, во времена общественных потрясений кажется, что индивидуализм будет поглощен общинностью подобно волнам потопа. Но ошибочно отождествлять общинность с однозначно консервативным началом, а индивидуализм - с прогрессивным. Мир общинных личностей тоже динамичен и противоречив. Они тоже прогрессируют и могут действительно стать водами "великого потопа" или "огнем небесным", но могут подарить человеку и "ноев ковчег" или "сына-спасителя".

Вот к этому миру общинных Я, понятому в мифологиях и религиях, объясняемому в богословии, но обойденному вниманием критической наукой, автор пытается применить научный метод, основанный на ряде гипотез и догадок, как, например, об исторических циклах в их конкретных параметрах. Автор предпочитает исторический подход психологическому или какому другому.

Более благодарного объекта, чем история христианства, для основательного опробования этой теории, вряд ли можно найти.

III. Греция или Эллада?

Внесем небольшое изменение в понятие "большого цикла" по сравнению с тем, что был дан во второй части книги. Там цикл начинался с "лета", здесь - с "весны".

Посмотрим на "большие циклы" еврейского народа и народа латинского.

История евреев:

I. цикл:	(-2085)	весна	(-1893)	лето	(-1701)	осень	(-1509)	зима	(-1317)
II. цикл:	(-1317)	весна	(-1125)	лето	(-933)	осень	(-741)	зима	(-549)
III. цикл:	(-549)	весна	(-357)	лето	(-165)	осень	27	зима	219
IV. цикл:	219	весна	411	лето	603	осень	795	зима	987
V. цикл:	987	весна	1179	лето	1371	осень	1563	зима	1755
VI. цикл:	1755	весна	1947	лето	2139	осень	2331	зима	2523

История Италии (латинского народа):

I. цикл:	(-491)	весна	(-299)	лето	(-107)	осень	85	зима	277
II. цикл:	277	весна	469	лето	661	осень	853	зима	1045
III. цикл:	1045	весна	1237	лето	1429	осень	1621	зима	1813
IV. цикл:	1813	весна	2005	лето	2197	осень	2389	зима	2581

Христианство возникло на иудейской религиозной основе, но почва все-таки была не иудейской, а греческой. Исторический момент как раз способствовал этому, так как это была пора начала "большой зимы" еврейского народа (самое неудачное время для национального возрождения), во второй половине "большой осени" римского (италийского) народа (время ненастья) и как раз в самом начале "большой весны" греческого народа (время оформления рожденной "поздней зимой" новой национально-религиозной личности). Поэтому иудейский Бог, Ветхий Завет и иудейский ритуал стали сырьем для новой, по парадоксу культурного сыновства, антииудейской религии.

Место в "большом цикле" также объясняет, почему, несмотря на то, что империя была римской, религия Империи стала греческой и приняла греческий язык. "Осенью" духа не создаются религии, "осенью" создаются философии и произведения искусства.

Только в третьем веке христианство начало переводиться на латынь и стало не греческим, а греко-римским. В начале четвертого века, т.е. в начале "большой латинской весны", возникли греческий и латинский варианты христианства, Бог греческий и Бог латинский, которые, хоть и пытались дружить, но расходились друг от друга все дальше. Это не иносказание, это описание реального и объективного явления, как если бы дружили и ссорились два брата-человека. В это же время христианство стало государственной религией Римской империи. Римское государство, как и народ, созрели, доросли до христианства.

Посмотрим на "большие циклы" истории Эллады и Греции (Македонии), которые позволят нам понять, почему именно греки создали христианство.

История эллинов (ахейцев?):

I. цикл:	(-1499)	весна	(-1307)	лето	(-1115)	осень	(-923)	зима	(-731)
II. цикл:	(-731)	весна	(-539)	лето	(-347)	осень	(-155)	зима	37

История Греции (Македонии, арийцев?):

I. (III) цикл:	(-11)	весна	181	лето	373	осень	565	зима	757
II. (IV) цикл:	757	весна	949	лето	1141	осень	1333	зима	1525
III. (V) цикл:	1525	весна	1717	лето	1909	осень	2101	зима	2293

В VIII веке до н.э. начинается бурное развитие ремесел, торговли и городов Древней Эллады, начинается эллинская колонизация на север, восток и запад. В VII веке бурное развитие продолжается. VIII век - начало "большой весны"

В VII-VI вв. до н.э. эллины овладели основными торговыми путями в восточном Средиземноморье, особенно после падения могущества Ассирии. В это время происходит специализация и разделение труда не только внутри ремесел, но и между городами.

Родовая знать все более отеснялась торговцами и ремесленниками ("буржуазией"), возник баланс влиятельных сил в обществе. В результате чего греческая первобытная община не просто сохранилась в каких-то своих элементах, она преобразовалась в гражданскую общину - демос. В своем развитии в VII-VI вв. до н.э. эллинской торгово-аристократически-демической системе пришлось пережить период тираний, т.е. единоличной власти вождей демоса городов-государств, которые смогли ограничить власть, как родовой аристократии, так и торговой "буржуазии".

Тиран Поликрат на Самосе ликвидировал старые родовые филы (племенные общины), заменив их территориальными округами, создал большой военный флот и провел в городе водопровод. Около 523 г. до н.э. Поликрат учредил при храме Аполлона на о. Делосе общегреческие праздники в честь этого бога.

В Сикионе тиран Клисфен переименовал старые арийские филы в "свинятников", "поросятников" и "ослятников", сверг старых богов, бывших опорой власти старой арийской знати.

В Коринфе тиран Периандр (627-585 гг. до н.э.) заменил суды знати судами по территориальным округам, был издан закон против праздности, родовые филы были упразднены, и вместо них образованы восемь территориальных фил. Был издан закон, запрещающий иметь много рабов.

В Мегаре во второй половине VII в. до н.э. тиран Феаген, возглавив демос, перебил стада, принадлежавшие знати. Он считал, что делает первый шаг по возврату земледельцам общинных выгонов.

Замечательно во всем этом то, что похожие процессы происходили во многих городах-государствах автономно, без какого-либо централизованного политического управления и контроля, на огромных расстояниях друг от друга (т.е. не только в самой Греции, но и в ее колониях).

Результатом этого развития стало утверждение в VI веке до н.э. (к началу "лета") в городах-государствах более устойчивых, чем тирания, форм общественного устройства. В одних городах-государствах утвердилась демократическая форма, основанная на широком и гибком социальном балансе богатых и бедных, земледельцев и торговцев, военных и гражданских лиц, даже рабов и свободных, и на особой регулирующей роли демоса как не только политического института (собрания), но и живой общины. Лучше всего удалось это Афинам, в которых возник демос, как непосредственно управляющая людскими делами Я-община. Именно этот афинский феномен сделал впоследствии и до настоящего времени столь притягательным слово "демократия".

В олигархических городах-государствах (второй устойчивый тип обществ в Древней Элладе) утвердилась более узкая и жесткая форма общественного баланса - политическая. В Спарте, например, были созданы такие балансы: не один, а два царя, цари и совет старейшин, совет старейшин и народное собрание воинов-спартанцев, а также пятерка эфоров, имевшая право контролировать и судить всех, и избиравшаяся из числа всех спартанцев сроком на один год. Вместо живой и динамичной афинской гражданской общины здесь господствовал не столь живой и динамичный Закон, основанный на разделении властей. В основе общества был не баланс групп людей-производителей, а господство военной общины.

Афинское общество было свободным и сбалансированным, а община была общегражданской, и властвовала, поддерживая баланс. Спартанское общество было регламентированным и иерархичным, с безусловным господством военной общины.

Обе эти замечательные формы были проявлением еще не единого национального духа древних эллинов, а проявлением квазинационального духа, в котором нация эллинов воспринимается и реально является не единой сверхобщинной, а братством, содружеством более мелких общин, конкретно - общин городов-государств.

Многобожие является отражением этого переходного состояния от общины места жительства, в которой людей объединяют непосредственное общение и общие, визуально воспринимаемые события, где доминируют физические контакты, и главную роль играют органы чувств, к общине, основанной на трансцендентном единстве, т.е. вере, основанной на догмате и ритуале, а также на единстве языковом.

Культура Древней Эллады замечательна тем, что сумела в течение нескольких веков сохранять тонкий баланс местных общин, создала великую мифологию, духовную формулу этого баланса. Только в условиях постоянного противостояния местных общин индивидуум смог осознать себя, и индивидуализм смог развиваться. Иначе бы он зачах на корню и снова поглотился общиной.

Можно ли говорить о единой формуле нации для эллинов VIII-I веков до н.э.? Это была тоже формула нации, но не нации как общины, а нации как братства общин. Можно сказать и по-другому - это была формула квазинации, символом которой стала могущественная тень Ананке - богини судьбы.

Какова эта формула? Эта формула включала ценность гражданской (широкой или военной) общины и ценность общественного баланса (широкого, т.е. социально-политического или узко-политического, а также для всех форм обязательного религиозно-общинного баланса). Тотально сбалансированный мир Древней Эллады создал идеальные условия для развития всех форм материальной и духовной жизни, для того, чтобы энергия человека не терялась в местах сопряжений плохо состыкованного децентрализованного общественного организма, а почти целиком направлялась на внутреннее развитие и внешнюю экспансию. Индивидуализм в такой системе почти не противоречил, не разрушал авторитета общины, а та, в свою очередь, не стремилась силой его подчинить. Третьей ценностью эллинской формулы стала ценность индивидуума как Одиссея - одинокого путешественника, движимого мечтой вернуться на родину, но которому суждено вернуться на родину только после духовного освоения окружающего Элладу мира, только после того, как он поймет (!) этот мир.

Наивысший расцвет Эллады наступает после победы над Персией в греко-персидских войнах 499-479 гг. ("среднее лето большого лета"), в период так называемого "золотого пятидесятилетия" 479-431 гг. до н.э. ("средняя осень большого лета"). Это было время Перикла и Сократа. Это время сделало Афины вечным символом культурного расцвета для всех западных народов.

В период "средней зимы большого лета" Эллада оказалась разоренной афинско-спартанскими войнами (431-404 гг. до н.э.), в которых Спарте досталась пиррова победа. Этим борьба не закончилась, демократические и олигархические режимы сменяли друг друга, возвышались то Спарта, то Афины, то Фивы, пока, наконец, общегреческим гегемоном не стала Македония. Это случилось в 346-336 гг. до н.э.

Македоняне, хотя и не считались эллинами, но и не были в глазах эллинов в полной мере иноязычными варварами. Именно македонян я буду в дальнейшем называть, прежде всего, греками, а не собственно эллинов. Македоняне до IV века развивались отдельно от эллинов. Их "большой цикл" на 48 лет опережал "цикл" эллинов. Их формула была иной, включая характерные для менее развитых народов ценности - военной демократии и самодержавного царя, опирающегося на эту военную демократию. Третьей ценностью, как и у эллинов, была ценность Одиссея.

Завоевания Александра Македонского и создание эллинистических государств, определили доминирование македонской "формулы успеха" в последующие века: самодержавие, военная демократия (военная община), индивидуальная свобода человека, который, подобно Одиссею, на своем долгом пути в Элладу переделывает весь мир.

Эллинская культура, ориентированная на тотальный баланс, как более старшая, приспособилась сама и приспособила к себе македонского юношу. Македония стала авангардом Эллады, прежде всего - военным, а вместе они к началу новой эры составили особый культурный сплав. Греческий дух, сплавленный из эллинского и македонского, с добавлением разнородных восточных "присадок", продолжил македонский "большой цикл", который стал циклом общегреческим.

Случилось так потому, что эллинский национальный дух был духом квазинациональным, состоящим из нескольких десятков полисных духов общин, противостоящих друг другу в борьбе между демократией и олигархией. На этом фоне македонцы оказались самым крупным и сильным народом.

Возможно и другое объяснение (по-моему, более убедительное). Еще до нашествия арийцев в XII-XI веках у эллинов существовала развитая культура. Впоследствии в одних городах-государствах утвердился старый эллинский (ахейский) дух. Это Афины и другие города-государства, тяготеющие к демократии. В других - сравнительно новый на греческой земле - арийский дух. Это Спарта и другие города-государства, тяготеющие к олигархии и монархии. По-видимому, наследницей арийского духа стала и Македония. Этот дух, в конечном счете, и победил, став в конце дохристианской эры духом общегреческим.

К этому культурному сплаву греки пришли через период эллинизма, который был развитием греческой культуры не вглубь, а вширь. Наступила "поздняя осень" сначала македонского (арийского), а потом и эллинского (ахейского) духов.

Римское же господство пришлось на "зимний" период. Поэтому римляне активно перенимали греческую культуру, одновременно относясь к ней как к чему-то перезрелому, слабому. Но в начале новой эры греки изнутри взорвали всю систему римского мира и римского мироощущения. И взрыв этот создал мировую религию - христианство (православие).

Дальнейшее развитие греческого духа было неотделимо от православия, именно православие стало Я единой греческой нации, окончательно сплавившим общины эллинских городов-государств и греческих царств.

IV. Миссия христианства

Дух эллинской гражданской общины (демократии) исчез, но остался один из его замечательных продуктов - дух философии, индивидуальной творческой свободы, замечательный путь к Богу - "путь снизу". Этот путь воплотился в образе Христа. Во Христе же воплотился и "путь сверху", так как Иисус Христос, в отличие от философов, нашел не только истину, бога Платона, но и Бога Живого, путь смиренного обращения к Богу в поисках ответов о жизни, обществе и человеке. Одиссей стал Христом, но не возвращающимся в Элладу, а возвращающим человечество к Богу.

Это все перевернуло. Если раньше великолепные философские абстракции все больше оттесняли живых богов, запутавшихся в придуманных отношениях позднего язычества, превратили их в пустые символы и способствовали ослаблению связей индивидуумов с общинным сознанием, то Христос открыл людям путь к новому Богу, к новой вере. Новый Бог был создан коллективным откровением, а Христос объяснил это людям. Философия, уже три столетия торжествовавшая над религией, оказалась под новым Богом и в последующие три века привыкала к новому для себя месту, то, сотрудничая с религиозным сознанием, то бунтуя.

Пятьсот лет шли споры о личности и месте Христа. Главной их темой был спор об отношении Христа (Бога-Сына, Бога-Слово) и Бога-Отца. Диапазон ересей был широким: от полного отвержения Христа как Бога, до признания Христа одной из ролей Бога, т.е. полного слияния его личности с личностью Бога-Отца. Впрочем, обе эти крайности сходились в своих последствиях.

О чем на самом деле был спор? Это был спор о приоритетах и путях развития греко-римской цивилизации. Если бы Христа превратили в человека, в одного из библейских пророков Бога, то новый христианский Бог стал бы очень похож на Бога евреев. Но у евреев роль Христа взял на себя сам "богоизбранный народ", со всем его Законом, четко прописавшим место и взаимоотношения индивидуума и общины, народ, уже переживший не только индивидуалистическую эволюцию, но и совершивший общинную революцию еще во времена Моисея, более чем за тысячу лет до христианства.

Что такое общинная революция? Это приход на смену первобытной общине, и основанной на ней мифологии, общины национальной. Это возникновение цельной суперличности - нации, объединенной единым языком (пусть в вариантах - наречиях) и единой религией - верой в единого Бога - Nation. Нас не должен сбивать с толку казалась бы мировой характер христианства, это такая же квазивещь, как и дух единой нации в Элладе. На самом деле до самого возникновения христианства афиняне ощущали себя больше афинянами, чем греками, спартанцы - больше спартанцами и т.д. Их нацией были свои города-государства.

Поэтому евреям не грозило утонуть в едином и неделимом Боге, подпасть под безусловный, но главное, единственный авторитет религиозно-общинного Я. Грекам же это грозило и в этом случае христианство стало бы по сути исламом. Но в великую пору зарождения национального духа как духа единого Бога, а не содружества и иерархии многочисленных богов языческого пантеона, общинным провидением было заложено, что в последующие века в философских и богословских спорах, в реальной борьбе, иногда в борьбе на уничтожение, индивидуализм воплотится в новые формы, органичные Я общины. Время ислама, исламской революции, устранившей индивидуализм как конкурирующую общинности систему, еще не пришло, и там основа была совсем другая, другая культурная почва.

Миссия первоначального христианства - это сохранение огромного культурного разнообразия, созданного греческой цивилизацией, структурно организованного вокруг баланса общинных и индивидуалистических начал.

В первые века христианство отвергло как крайность деобожествления Христа, так и крайность его полного слияния с Богом-Отцом. Обе эти крайности вели к одним последствиям - "исламизации" христианства. Вместо двух сверхавторитетов, авторитета реальной национальной общины и авторитета идеальной человеческой личности, остался бы только один сверхавторитет. Единица превратилась бы в ноль (за догадку - спасибо Маяковскому).

Основной спор шел в центре, довольно далеко от крайних ересей. Постепенно, к четвертому веку, возобладал взгляд на личность Христа как почти равного Богу-Отцу, также вечного и лишь недавно в земной жизни воплощенного, неразрывно связанного с Отцом, который, в свою очередь, все свои действия проводит только через Сына. Лишь Святой Дух исходит только от Отца, но не Сына.

Кто такой Святой Дух, который является третьим членом Троицы?

Это как раз те самые судьи в душе человека, которые позволяют отличить ему истинное от ложного, хорошее от плохого, красивое от безвидного. После споров первых веков греческое христианство ответило однозначно: все истинное, постигаемое в душе человека, исходит только от Я общины, но не от Я индивидуума, даже если этот индивидуум (Христос) считается частью этой Я общины. Только "путь сверху", только молитва, литургия и ниспосланная благодать дают истину в последней инстанции, обладают полным и непререкаемым авторитетом, но не "путь снизу", т.е. философия и разум, даже "божественный", теологический. "Путь снизу" суждено было реабилитировать латинскому христианству - католицизму.

Здесь возникает очень интересный вопрос, на который я не нашел ответа. Является ли Бог-Сын символом совершенной личности, примером послушания Богу-Отцу и потому лишь мифом, или же он является действительной частью Бога, чем-то вроде его мозговой корки или сознанием над подсознанием. Если верно первое, то христианство представляется более как хитроумная мифологическая доктрина, ставшая ношевым ковчегом для индивидуализма, а ислам представляется более истинной религией, четко сказавшей о том, что нет Бога кроме Общины. Значит и рабское положение индивидуализма в новом цикле греческой истории после 750 года тоже представляется закономерным. Интересно и такое следствие из этого допущения, хотя оно мало значит для рассматриваемой здесь исторической концепции: вечной жизни личности не существует; личность, индивидуум, душа человека исчезают, растворяются после его физической смерти.

Если же в новой суперобщине существуют не только Я-общины, но и Я-индивидуум, подобное обычному Я человека и они взаимодействуют между собой, подобно тому, как взаимодействуют разум и душа: один говорит, предлагает, воспринимает внешний мир, другая отвечает, болит, окрашивает собственным отношением все внешние события, тогда Бог мыслит не только непонятным нам образом, позволяющим видеть суть вещей и прозревать будущее, но и мыслит как человек - словами, понятиями, рассуждениями: "если, то-". Признав это, с некоторым усилием можно признать и то, что человек после смерти обретает в Боге ячейку для своей личности. А физически что это значит? Это значит то, что наш мозг вмещает не только Бога, но и миллиарды умерших душ, но это уже философская фантастика, вещь не для данной статьи. Тем более, что можно предположить и другую физическую модель, идя от поля, а не вещества. Поэтому вернемся к нашей теме.

Если правильной является вторая точка зрения, что Христос не символ, а как и Бог-Отец, является Богом Живым, то христианство даже не открыло, а создало уникальный синтез в новом общинном духе, оно впервые создало разумного в человеческом понимании Бога. Хотя уже на первых страницах Библии мы читаем о сотворении человека, как подобия Божия на шестой день творения (Христа, Логоса?) и человека из праха земного (собственно человека?) - на седьмой день! Значит, иудаизм уже "открыл" Троицу?

В ходе дальнейших рассуждений примем все же за основу первую точку зрения, так как проще признать, что природа общинного Я осталась неизменной. Я общины осталось Я общины, а не сочетанием двух Я: общины и сверхиндивидуума. Очень возможно, что это неправильно, но это поможет сохранить нам примерно равное отношение к той и другой точке зрения, а, следовательно, и критическое отношение к той и другой доктрине.

Вернемся к авторитету Бога-Сына. Бог-Сын (Бог-Слово) не излучает Святого Духа от себя лично, но через него Отец излучает Дух. Такова формула, в конце концов, принятая христианством после исканий и споров первых веков. Это означало признание не только сверхавторитета Сына, но и того факта, что его сверхавторитет оказался все же ниже авторитета Отца. Он (Отец) сущий. От него все идет, а все остальные - посредники. Христианство сохранило жизнь индивидуализму, но поставило ему условие - полное послушание, посредничество, но не самостоятельная роль. Это был основной культурный код, развившийся в последующем в многообразные формы материальной и "материальной" культуры. Этот код что-то вроде первого фрактала, который затем, многократно удваиваясь, родил великолепные культурные формы.

Несмотря на ученые богословские хитрости, в массовом сознании, в объективной реальности утвердился образ Христа как полного подобия человека ("истинно человек, только без греха"), человека не только верующего, но и мыслящего, говорящего, чувствующего. Именно его образ реабилитировал человека, осознавшего себя личностью, а не только частью общины.

Дух Святой, создавший, как и все духи, человеческую общность, но не вокруг идеи, а вокруг Бога-Слова, востребовал и философию. Этой философией, подводящей разумный фундамент под откровение, оказалась философия неоплатонизма. Многие отцы христианства были не меньше неоплатониками, чем верующими людьми. Неоплатонизм дает очень похожую на христианскую картину мира: есть непознаваемый и бесстрастный Бог или иначе - мир идей (архетипов, генотипов), есть Логос, который делает для человека доступным восприятие этого мира идей и который непосредственно творит воспринимаемый человеком мир. И существует мир процессов, зыбкий и преходящий мир, в котором мы живем. Собственно, с того времени чисто философская (не научная) мысль не создала ничего более гармоничного и всеохватного.

В дальнейшем зерно божественности Христа, как олицетворения идеального индивидуализма, прорастет в католицизме новым подъемом индивидуализма вплоть до его раскрепощения в эпоху Возрождения, а затем - закрепления его свободы в эпоху Реформации. В католицизме еще в "темные века" (500-1000 годы) утвердилась "маленькая" ревизия Основного Догмата. Было добавлено слово "филиокве", означающее, что Святой Дух исходит и от Сына. О значении этого шага мы уже писали. Фактически это означало полную суверенизацию "пути снизу" и открыло дорогу схоластичному богословию, по сути, софистически издевающимся над верой, отсюда полный разврат папства в XVI веке, но отсюда же и атмосфера духовных поисков, приведшая к бурному росту светской культуры в Западной Европе.

Католицизм еще примет и идею чистилища, дав индивидууму путь к отступлению и искуплению, дав ему, греховному, надежду. И снова здесь проявился не столь небесный, православный, а земной и практичный характер западной ветви христианства. Грешникам дали главную индульгенцию и сказали: грешите, но помните, будете наказаны, каждый ваш грех выкупите страданиями. Это приучало человека вести счет своим грехам, а не кидаться без оглядки в грех "пиши - пропало!", или вымучивать постную святость. Рационализм, счет, учет, самодисциплина - берут свое догматическое начало в идее чистилища.

Православие, испытавшее в VII-IX веках мощное влияние ислама, чуть было совсем не исламизировалось в VIII веке, одно время отвергнув иконы. Между прочим, это было время "большой зимы" православия, его наибольшей слабости, время смерти или тяжелой болезни Бога греческой нации. Но все-таки оно сохранило в себе христианские начала, законсервировав их. Православными богословами не без основания считается, что только православие оказалось по-настоящему верно заветам отцов Церкви.

Но православие не смогло и не захотело раскрепостить индивидуализм, напротив, сделав жесткими выводы первых веков, оно изгнало дух поиска этих первых веков. Вместо поиска Христа, земного и небесного, православие отдалось поисками коллективных и индивидуальных путей к Богу-Отцу. В этом проявился не только его консерватизм, но и творческий дух.

Православное богословие сделало Христа абстрактной фигурой, дублером Бога-Отца, а православное массовое сознание превратило его в нечто вроде предводителя божьих угодников. Поэтому в православном богословии он как бы лишен самостоятельного лица, православная иконография статична, божественна, в то время как западная личностна, индивидуалистична. В массовом православном сознании Христос, лишенный божественного сверхавторитета, стал лишь отражением и продолжением сверхавторитета Бога-Отца. В недрах византийского православия в последующем развилось мистическое христианство, учившее познавать Бога-Отца непосредственно, как свет, как энергию.

V. От общины против индивидуализма к общине против общины

Так чем же оказался все-таки так плох индивидуализм, что в начале эры его пришлось "спасать", "задвигать", облекать в религиозные одежды?

Не потому, что индивидуализм в то время оказался просто слаб, а потом "подрос", ведь "подросли" и проблемы, демоны, освобожденные им. Индивидуализм имманентно плох тем, что он субъективен, т.е. решение о ложности и истинности чего-либо выносится в душе каждого человека, а научный метод опытной проверки имеет довольно узкое применение, тем более к гуманитарным проблемам (что такое общественный эксперимент мы недавно видели, были его подопытными животными). На основе "пути снизу" и всех достижений логики и позитивной (творческой) интуиции нельзя определить, кто прав, а кто не прав, лишь авторитет, признаваемый всеми, способен повлиять на решение, но и его влияния часто недостаточно, да и авторитетов таких немного.

Только погружение в общину консолидирует людей вокруг истины и сверхавторитета. Кроме того, погружение в общину дает объединение разумов в чисто физическом смысле и многократное их усиление, создается реальный мыслительный механизм, который когда-нибудь начнет изучаться извне наукой, а пока изучается только изнутри теологией.

Общинность и индивидуализм никогда не действовали раздельно, индивидуальный опыт поставлял разуму факты и события жизни, слова и изобретения, идеи и идеологические схемы, а тот возвращал ему готовые ценности и откровения, проводил духовную (душевную) экспертизу и, по сути, синтез идеологий. Но сам общинный разум цикличен, а значит не идеален, не абсолютен, он развивается на основе собственного прогноза ("провидения божьего") на 600-700 лет вперед.

Почему 600-700 лет? Потому, что "большой цикл" состоит из 768 лет, но "большая зима" занимает в нем ¼ часть. Может быть, число 666 потому и считается дьявольским, что ограничивает время деятельной жизни конкретного воплощения общинного Я?

"Большой зимой" мы видим разложение, бессилие, болезнь конкретного воплощения сверхобщины. Может быть, такая цикличность является приобретенной характеристикой, не знакомой органичной первобытной общине? Смерть Бога явилась платой за динамизацию общинного сознания, за превращение его из однозначно и абсолютно консервативного начала, несколько тысяч лет сопротивлявшегося разрушению первобытнообщинного уклада, в начало скорее охранительное, чем ретроградное, в начало консервативно-динамичное. Но, позволив материальной жизни развиваться, динамизировав материальный базис, Бог признал и то, что он должен не только руководить и формировать, но и приспособляться к его новым формам, а значит регулярно умирать и снова возрождаться, но на новых основаниях. Смерть Бога означает и время торжества дьявола, но дьявол - это не просто символ смерти или слабости Бога, дьявол является геном смерти Бога, необходимым и неизбежным для того, чтобы эволюция человечества продолжалась. Так что не человек стал смертен, вкусив яблока, а сам Бог Человека стал смертен, вкусив запретный плод индивидуализма и прогресса. Бог Природы ему это простил, но сказал: живи, а потом умирай, иначе никак не получается. Смерть - это плата за развитие. Смерть (с последующим возрождением) национальной общины - это мсть ей общины первобытной за освобождение личности человека.

Родившись в конце "большой зимы", новый Бог начинает свою "весеннюю" экспансию. Его экспансия происходит, прежде всего, в сознании людей, он агрессивен и экспансивен, вовлекая людей в войны, заставляя их забывать о собственной жизни, о собственных интересах.

"Летом" его воздействие полно и всесторонне, но к концу периода начинается "пробуксовка", появляются отдельные ошибки и нестыковки с материальным базисом.

"Осенью" ошибок Бога становится много, конкретные воплощения становятся неадекватными, вплоть до временного торжества антихриста, как это случилось с торжеством коммунизма в России. В начале периода обычно происходят великие духовные открытия, создаются произведения искусства особой глубины и поэзии.

В начале "зимы" постаревший Бог, слабо воздействуя на ход истории, поведение людей и общин, делает свой народ уязвимым и слабым, хуже того, фактически уступает инициативу гену смерти, заложенному в него, как в существо живое и сатана (дьявол) приходит в народ вестником смерти, отцом разрушительных движений. Зато освобождается место для духовных исканий, приобретается новый опыт. Если народ выживает, то возрождается. Так обычно и происходит. Страдания людей и их жизнь в этот период облегчаются влиянием "незримых" народов.

VI. Кто прав: Бог православных или Бог католиков?

В чем правота и неправота православия, правота и неправота католицизма? Православие более верно отражает действительное положение вещей (как и ислам): есть Бог-Община и есть человек, а между ними Дух Святой, который постижим человеком через благодать. Бог-Сын не является источником Духа, но является его проводником, облакающим волю и разум Бога-Отца в слова. Да и здесь он излишен. А это значит, что Бог-Сын в православии фактически утрачивает все признаки личности, по крайней мере небесной личности, имеющей самостоятельное значение для человека земного. Значит, на небе ему достается безликая роль простого проводника воли и разума Бога-Отца, а на земле лишь ждут его нового земного воплощения и помнят о первом воплощении, т.е. воспринимают не как Бога ныне живого, а как Бога жившего и который "в конце времен" обретает последнюю земную жизнь.

Есть здесь ложь? Да, есть маленькая ложь, ложь меньше, чем в католицизме, ложь в том, что Бог-Сын все же считается личностью Бога Живого, хотя ею, скорее всего, не является, да и таковой православным сознанием реально не считается.

Но все же главная неправота православия в том, что, верно отражая психологическую природу человека, оно, неизбежно абсолютизируя ее (Бог может все, не только в духе, но и в природе), отвергает (опять же не отвергло, а постоянно отвергает, борется) правильное представление о Природе, как более широкой системе, чем Бог.

Казалось бы, все религии абсолютизируют Бога, приписывая ему всемогущество? Но католицизм здесь оказался сложнее и адекватнее, по форме абсолютизируя Бога, по сути, очертив ему ограничительные рамки. Православие, абсолютизирующее Бога-Отца и фактически сливая с ним Бога-Сына, красиво и цельно, умиротворенно и свято, но в нестабильном, развивающемся или деградируемом мире оно в избытке дает лишь один продукт - утешение. Поэтому главной ценностью всех православных культур является ценность, определяемая словами "терпение", "приспособление", "утешение".

Католицизм деятелен. Он признал автономность личности Бога-Сына и формально, и фактически. Бог-Сын, излучая Святой Дух, напрямую общается с человеком. Скорее всего, это чистый миф, противоречащий и Основному Догмату. В этом его ложь, источник раздвоения и противоречий. Но в этом и его красота - красота не гармонии, а свободы!

Католик, обращаясь к Христу небесному, обращается к образу человека, жившему на земле и к его живому воплощению - католической Церкви. Вера очень проницательна, она находит "на небе" Бога-Отца, но не находит отделенную от него личность Бога-Сына. Противоречие разрешается в переключении на разные объекты: Христа исторического, т.е. Христа-человека и Церковь во главе с авторитетным папой римским.

Ложь католицизма в том, что он исказил действительный образ Бога-Общины, отделив от него образ Христа, как если бы мы рассматривали душу земного человека отдельно от его ума, как две воли. Впрочем, различие между католицизмом и православием более тонко, потому что та и другая ветвь христианства признают единую волю Отца и Сына. Но есть разница между формальным и подразумеваемым. Формально признавая единоволлие Троицы, фактически (подразумеваемо) католики разделили его волю на две, приняв дополнение о том, что Святой Дух исходит и от Сына. Это классический случай, когда идея, изгнанная в дверь, вернулась через окно. Но вернулась робко, украдкой, сделав католицизм духовно богатым, неоднозначным, не ригористским.

Католицизм исказил образ Бога, образ Троицы, но исказил его так, как искажает образ человека деятельного сама жизнь, как культура искажает природу и вместо дикорастущих растений мы получаем культурные растения, а вместо диких животных - домашних.

Католицизм сделал Христа не статичным Абсолютом и не гармоничным Утешителем, а, скорее, набором образов, допускающим личный выбор, а потому дающим индивидуализму фактически равный статус с общиной. Поэтому католицизм постигает не только Бога истинного, как он есть, но вполне признает и его очеловеченные образы.

Плохо это или хорошо? Плохо, если бы общество оставалось статичным или вернулось в это состояние, но хорошо для динамичного общества, в котором, как ни смотри, индивидуализм играет основную движущую роль. В конечном итоге, католицизм, не разрушая единый образ Бога, позволяет развиваться критическому и стороннему к нему отношению, а, значит, к преклонению и вере допускает анализ и свободную философию. Это чревато последствиями, как хорошими, так и плохими.

С точки зрения самого Бога-Общины, как реального существа, владеющего епархиями в нашем мозгу и объединяющего людей в церковь в религиозной толпе во храмах и на площадях, православие - это хорошая, правильная вера, выражающая полноту жизни Бога-Общины. Полнота его жизни воплощена в красоте храма Софии в Константинополе. Это красота Бога, находящегося в мире с человеком и над Человеком.

Но реальный Бог тоже смертен. Бог греческий и Бог римский это разные живые существа, так как языковое и ритуальное единство - это тело Бога, а оно у греков и римлян различно.

Поскольку Бог не всеобъемлющ даже по отношению к человечеству, тем более он не всеобъемлющ по отношению к Природе, являясь не ее Творцом, а лишь венцом ее эволюции, животной и исторической, то православие в своей любви к Богу скорее слабо, чем могущественно, и в более широком контексте неверно. Поэтому Бог, любя православных, не всегда может им помочь. Католицизм для Бога-Общины - это учение не любимых и любящих чад, а учение друзей, союзников, партнеров, которые смотрят на Бога не только сердцем, но и умом, которые и самого Бога подвергли анализу. Бог подарил им готические храмы, которые не воспаряют, как София, а устремляются в небо.

VII. Космос или Земля, материя или жизнь?

Чего хочет Бог? Может быть он хочет, как и все живое, власти и расширения (размножения)? И потому ведет к покорению космического пространства? И потому ведет к практическому, а не теоретическому единому всечеловеческому Богу? Чтобы на смену богам народов пришел бог человечества, как ранее Бог народа пришел на смену племенным богам?

А затем Бог человечества примирится с эволюцией и прогрессом или остановит прогресс? Или рванет в космос, в масштабах которого Земля что песчинка на морском дне?

Другая группа вопросов. Что такое человеческое (индивидуальное) и общинное Я? Это феномены эволюции неживой или изначально живой природы? Что в основе: неживая природа атомов или живая природа элементарных частиц? Ведь из современной физики мы знаем, что элементарные частицы "прикидываются" то частицей, то волной.

В втором случае сам человеческий мозг представляется некой общиной этих живых существ. Человека в этом случае тоже можно представить Богом, в мозгу которого живут самостоятельной жизнью триллионы триллионов этих "индивидуумов" - физических элементарных частиц. Если принять эту идею, то это значит, что в основе именно живая природа, а некие ньютоновские объективные законы все равно, что законы общества, являющиеся лишь статистическими векторами миллиардов индивидуальных волей.

В этих вопросах и ответах для нашей темы важен один вывод: не имеет особого смысла ставить в основу религиозное или материалистическое видение мира, важно. принять мысль о том, что реальность Бога ничем не хуже, производнее реальности каждого из нас и даже реальности физических объектов.

Засилье "физического мышления" по-прежнему сильно мешает науке сделать качественный скачок, в том числе в изучении Бога, хотя сама физика уже давно ушла от ньютоновского классицизма и пришла к гейзенбергово-эйнштейновскому "шизофренизму".

VIII. Генезис православия

Теперь можно посмотреть на сам исторический процесс формирования религии, на то, как это происходило.

Одной из основных первых ересей (групп ересей) был гностицизм, ставший во втором веке религией, отталкивающейся от христианства и создавший свое собственное священное писание. Основная идея этой религии заключается в том, что над богом Ветхого Завета есть более высокое Божество, абсолютно не связанное с этим миром, а мир - это результат неумелой работы низшего общества - бога Ветхого завета. Человеческая душа в своей деятельности должна устремиться в высшие духовные сферы, находящиеся выше бога Ветхого Завета. Дальнейшее развитие этой религии, возможно, привело бы к разделению Бога человека и Бога Природы. Скорее всего, это мнимая возможность для того времени. Но, быть может, возможность вполне реальная для ближайшего будущего человечества XXII-XXIV веков? А почему бы и нет? Ведь учение всеильно, если оно верно. Святые слова.

В III веке большую силу приобрел монархианизм, который подчеркивал монархическое, т.е. единоличное правление Бога. Монархиане считали, что Отец, Сын и Дух - это три разных имени одного и того же, но не три личности и три роли.

Монархианизм помог четче сформулировать доктрину о Троице, как единстве в трех лицах. Его "продолжением" было учение Ария, который пришел к выводу, что только Отец есть Бог, а Сын - его творение, созданное из ничего, не Бог.

В начале IV века (в 325г.) на Никейском соборе учение Ария было осуждено и был принят Основной Догмат - символ веры:

Мы веруем в единого Бога-Отца, Вседержителя. Творца всего видимого и невидимого;

И в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, от Отца рож-денного, то есть из Его сущности, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного. Отцу единосущного [homoousios], чрез Которого все произошло как на небе, так и на земле, ради нас и нашего спасения нисшедшего, воплотившегося и вочеловечившегося, стра-давшего и воскресшего на третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых.

И в Святого Духа.

Святая кафолическая и Апостольская церковь предаст анафеме [проклятию] всех, кто скажет: Было время, когда Его не было, и Его не было до того, как Он родился, и тех, кто будет утверждать, что Он не единосущен Отцу или что Он непостоянен или изменяем.

Впрочем, арианство представляло собой крайность, как и монархианизм, а основной спор после Никейского собора развернулся между "никейской партией", т.е. группой, победившей на соборе, и сторонниками Оригена, одного из отцов Церкви, жившего между 185 и 255 годами. Его теория о Троице - это теория о трехъярусной Троице: Отец выше Сына, а Сын - Духа. "Никейская партия" имела ясное представление о полной божественности Христа, но смутно различала вечную тройственность Бога. Последователи Оригена были сильны в вопросах тройственности, но слабы там, где речь заходила о божественности Иисуса Христа. Представители группы Оригена считали "никейцев" монархианами (что было несправедливо), "никейцы" платили им тем, что называли их арианами.

В чем суть спора с точки зрения нашей теории? Был ли этот спор спором между Восточной и Западной церковью, между православием и католицизмом? Действительно, именно в это время, т.е. в IV в. до н.э. между двумя Вселенскими соборами - Никейским (325г.) и Константинопольским (381г.) и произошло осознание отличия Западного христианства от христианства Восточного (греческого). Это было время первой половины "большой весны" римского (италийского) народа и время "средней весны большого лета" для греков. Действительно, греки достигли огромного, решающего влияния в Империи, что отразилось в переносе столицы из италийского Рима в греческую Византию (Константинополь), но италийцы, пережив лютую зиму, именно в этот период начали восстанавливать свое влияние.

Предтечей римско-католического возрождения стал Ориген, отстаивавший право Христа "на самоопределение", пусть во втором ярусе под Отцом, но выше древнего (ветхозаветно еще) Духа (отсюда недалеко до признания идеи о том, что Дух исходит как от Отца, так и от Сына, ведь оба "выше"). "Никейцы" же, отражая влияние доминировавшего в то время греческого Духа, делая упор на божественность Христа, были не так далеки до слияния его божественности с божественностью Отца, т.е. от монархианизма.

Это означало, что греческая философия, бывшая активной и самостоятельной силой в христианстве в первые три века, оказалась к Никейскому собору полностью интегрированной, поглощенной христианством, но и в то же время оказалась перенесенной как самостоятельное явление духа на италийскую почву. Родив христианство, греки перестали быть индивидуалистичным народом Одиссея, ставшего философом, и политическим народом гражданской общины. Они стали народом монархическим и общинно-религиозным. Но они передали цивилизационную эстафету италийцам. Вот более глубокий пласт миссии христианства!

Италийцы сохранили в зародыше дух индивидуализма и гражданской общины. Перенос столицы стал видимым политическим решением глубоко религиозного и социального выбора латинян третьего века. Чуть позже это привело не к крушению, а к свертыванию Западной Римской империи, которая в последующем одолела варваров через христианство, победила их, подчинившись им (!). Греки же зациклились на Империи и еще целую тысячу лет держали (именно поддерживали, а не творили) ее. Здесь внешнее победило внутреннее. Восточная империя держалась только за счет полного окоснения религии и всех надстроечных над ней форм общественной жизни (базисом общества является не только экономика, но и религия. Там материальный базис, здесь - духовный!).

Протокатолицизм пришел из греко-римско-египетской Александрии, места жизни и деятельности Оригена. Здесь же в IV веке проходила и деятельность Афанасия, который, защитив божественность Бога-Сына, впервые поднял вопрос о божественности и статусе Бога-Духа, который не Сын Божий, но "от Отца исходит". В Сирии в это время проходила деятельность Ефрема Сирина, которого называли "лирой Святого Духа", в Каппадокии (на территории современной Турции) учили каппадокийские отцы, давшее более точное определение Троицы и защитившие божественность Духа, а также противостоявшие еще одной ереси - апполинаризму, которая отрицала наличие у Иисуса человеческой души, разума.

Эти каппадокийские отцы фактически и организовали второй Вселенский собор - Константинопольский. На соборе был принят Никео-Цареградский символ веры, который был развитием Никейского, с включением результатов антиарианских, антимакедонских и антиаполлинарианских фраз. Принятый на этом соборе символ веры стал символом веры как в Восточной, так и в Западной церквях. Вот он:

Мы веруем в единого Бога, Отца всемогущего, Творца неба и земли и всего видимого и невидимого,

И в единого Господа Иисуса Христа, едиnorodного от Отца прежде всех веков, свет от света, истинного Бога от истинного Бога, рожденного, не сотворенного, единосущного [homoousios] с Отцом. Через Него все произошло. Ради нас и нашего спасения сошел Он с небес, воплотился от Духа Святого и Девы Марии и стал человеком. При Понтии Пилате был распят за нас, страдал и был погребен. На третий день Он воскрес по Писанию и вознесся на небо. Он сидит по правую руку от Отца и придет опять во славе, чтобы судить живых и мертвых. Его царству не будет конца;

И в Святого Духа, Господа и животворца, исходящего от Отца. Вместе с Отцом и Сыном Он достоин поклонения и прославления. Он говорит через пророков; и только в одной святой кафолической и апостольской церкви. Мы признаем одно крещение во отпущение грехов. Мы ожидаем воскресения мертвых и наступления жизни века. Аминь.

Позже, сначала в испанской, французской, германской церквях к символу начали добавлять, что Дух исходит не только от Отца, но "и Сына". Рим, всегда осторожный и консервативный, принял эту формулу только через 700 лет после этого собора. Сам же собор имел целью объединить церковь, поэтому принятые на нем решения все еще признавали приоритет утвердившегося православия над находящимся в зародыше католицизмом. Возможно, это прибавление родилось в умах италийских верующих, но не было принято официальной церковью, в том числе и якобы во имя единства (внутреннего общинного единства между Церквями не было уже с конца III века).

В этот период Иероним перевел Библию на латинский язык, известный как Вульгата, причем, перевел не с греческого (Септуагинты), а с древнееврейского. Это ускорило отделение Западной церкви, в то время, как западный Догмат еще не сложился и совпадал с Догматом греческим.

В IV веке началась деятельность великого теолога Августина, который считается отцом Западной церкви. Его Троица - это три личности в одной сути и их взаимосвязь объясняется им с помощью таких аналогий как троичность бытия, знания и воли или троичность мышления божьего, помнящего, понимающего и любящего. Одновременно, он признавал несовершенство любой аналогии. Основа его учения - это представление о деятельной Церкви, которой стала папская Церковь и о благодати, вначале по милости Бога убеждающей

человеческую волю, затем сотрудничающей с ней и, наконец, дающей человеку дар упорства. Августин подчеркивает, что только избранные получают эту благодать и спасаются, тем самым дав религиозному мировоззрению некоторый элитарный индивидуалистический импульс. В последующем идея Августина о благодати была развита протестантизмом, освятившим индивидуальную инициативу и неравенство между людьми в экономическом соревновании.

В V веке споры о Троице уступили место спорам о соотношении человеческой и божественной природы Христа, и о его земной матери - дева Марии. На Эфесском соборе было осуждено несторианство, учение Константинопольского патриарха, который отрицал то, что дева Мария была Богородицей. Он считал, что от Марии родился Иисус-человек, но не Бог-Слово, который лишь в нем пребывал, т.е. Христос не был единой личностью, а имел две личности. Собор же признал, что именно Бог был рожден Марией. Вот его решение:

Итак, мы исповедуем нашего Господа Иисуса Христа, едиnorodного Сына Божьего, в том, что Он является совершенным Богом и совершенным человеком, состоящим из разумной души и тела. Он был зачат от начала времени от Отца как Бог, и в последние дни для нас и для нашего спасения Он же был зачат девой Марией как человек. Он - единосущен (homoousios) с Отцом как Бог, и единосущен (homoousios) с нами как человек. Ибо здесь есть соединение двух природ, и, стало быть, мы исповедуем одного Христа, одного Сына, одного Господа.

В соответствии с таким пониманием неразрывного союза мы исповедуем, что святая дева есть Theotokos (Богородица), так как Бог-Слово воплотился и стал человеком и от самого зачатия присоединил к Себе храм, взятый от нее.

Что касается выражений Евангелий и Посланий о Господе, мы знаем, что богословы некоторые из них признают общими (относящимися к одной личности), в других же случаях они их различают (как касающиеся двух природ); достойнейшие они прилагают божественности Христа, низшие же прилагают к его человеческой природе.

"Формула объединения"

В середине V века папа Лев Великий боролся против четвертой ереси, касающейся личности Иисуса Христа - евтихианской. Евтихий считал, что из соединения божественной и человеческой природ появилась смесь, не сводимая ни к первой, ни ко второй.

Лев создал учение о власти римского папы, как наследника апостола Петра. Он называл себя недостойным наследником апостола Петра, тем самым подчеркивая, что положение папы основывается не на его личной святости, а на законе, отдавая приоритет церковной организации над личной совестью, что обосновывал и Августин. На четвертом Вселенском соборе (Халкидонском в 451 г.) евтихианство было осуждено и Христа признали истинно Богом и истинно человеком с одной (единой) личностью.

Что же произошло в V веке? Западная Римская империя перестала существовать, хотя началось "большое италийское лето", которое, казалось, должно было возродить славу и силу римского государства. Но в то время римский дух уже не был принадлежностью только Италии, во время Империи он распространился по всей Европе и на тот момент его носителями стали не граждане Рима, а монахи и верующие, исповедующие христианство на латыни. Это была не военная или экономическая сила, эта была сила духовная, религиозная. И мы сейчас видим, что она, в конце концов, победила, завоевала Европу. В основном тихой проповедью и примером!

Чем был спор о личности Христа? Это был спор о полновесности христианства как религии, защитившей основные свои тайны: Троица есть Единица, и Единица есть Троица, Христос есть истинно Бог и истинно человек. Христианство защитило свой дуализм, внутреннюю противоречивость, тем самым осталось учением, открытым для развития, примирившим абсолютизм религиозного сознания с относительностью религиозной истины (как и всякой другой). Мы видим, что это были очень удачные формулы, очень глубокие символы человека (индивидуума), общины (Бога), общности (Духа). Ереси, давшие однозначный ответ, вымерли, т.к. приводили к упрощению, а вслед за ним к неверной практике. Лишь самая древняя ересь - гностическая, оказалась отвергнута потому, что появилась не ко времени.

Ислам же, появившийся чуть позже, возник не на почве развитой цивилизации, а на почве цивилизации зарождавшейся, полностью еще погруженной в Общину. Поэтому упрощения в нем победили: была отвергнута Троичность, был отвергнут Христос как Бог. Вместо них появился единый Бог-Община и еще один пророк, но самый великий - Мухаммед. Но это было другое время: первохристианский греческий дух был в "зимней" спячке, дух римский, хоть и оставался еще в "лете", но был поглощен тихой работой по освоению варварской целины, а не строительством государства и экономики. Поэтому ислам не встретил внутреннего сопротивления на Востоке и захватил умы многих народов, бывших под властью Восточной империи. В завоеванной Испании ему пришлось столкнуться с молодым Духом западной Церкви, в конце концов он не смог потеснить католический Дух в других странах Европы.

Последующие века (VI-X) на Западе христианство развивалось вширь, а не вглубь. На Востоке продолжалось развитие учения вглубь, но с "пробуксовками". На Западе постепенно утвердилась единоличная власть римского епископа, т.к. здесь не было церковных авторитетов, сравнимых с его авторитетом. На Востоке же очень авторитетными были несколько епископов (патриархов): Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Поэтому высший уровень авторитета был признан за Вселенскими соборами, созываемыми императором. Формальное лидерство Востока усилилось, хотя обе Церкви продолжали все более отдаляться друг от друга.

После Халкидонского собора состоялись еще три общих Вселенских собора: Константинопольский 553г., Константинопольский 680/681 г.г. и Никейский 787г.

В конце V века Восточной церковью были ревизованы и потом даже совсем отвергнуты решения Халкидонского собора, верх взяли монофизиты, т.е. христиане, которые отвергали две природы Христа. Великим восточным императором Юстинианом был созван в 553г. Константинопольский собор, который сделал шаги навстречу монофизитам, хотя те не примирились с решениями Халкидонского собора и после сделанных уступок.

В VII веке появилось новое течение - монофилитов, утверждавшее, что Христос имел одну волю. Но "отец византийского богословия" Максим Исповедник и папа Агафон на Константинопольском соборе 680/681 сумели доказать неправоту монофилитов и защитили теорию о наличии двух волей у Христа: божественной и человеческой. На этом соборе Константинополь и Рим объединились, но это было временное и внешнее объединение, одним из факторов которого было выпадение из спора Александрии, захваченной мусульманами.

В начале VIII века ("средняя весна большой зимы") в Византийской империи развернулось движение иконоборцев - разрушителей икон. Первые шаги были предприняты в 719-720 годах при мусульманском правителе, т.к. ислам категорически возражал против подобных изображений. А чуть позднее такие же действия предпринял византийский император Лев III. В 754 году в Гирее состоялся собор, на котором победила точка зрения иконоборцев, но в 787 году состоялся собор в Никее, который стали считать седьмым Вселенским собором, на котором сторонники икон победили. После этого собора борьба продолжалась, пока в 843 году сторонники икон не победили окончательно. Основная борьба с иконоборцами развернулась именно в священный период "средней весны большой зимы" греческой нации. Возможно, временное торжество исламских начал именно в этот период наложило глубокий роковой отпечаток на дальнейшем развитии византийской истории.

Каково значение этой победы?

Греческая культура отстояла в борьбе с исламом свое право на православный ритуал, но с тех пор ритуал стал доминировать, а учение стало столь же догматичным, как и ритуал. В основе этого выбора лежало, по-видимому, стремление сохранить Империю любой ценой и сделано это было за счет консервации огромного духовного и культурного опыта, как в религиозных, так и в экономических, социальных, политических формах. Православный Бог стал богом в себе, надеясь, по-видимому, в будущем "большом цикле" переждать, осмотреться, чтобы в 1500-1600 г.г. снова "ринуться в бой". Но грекам этого уже не довелось сделать у себя на родине. Они за 70 лет до начала "весны" потеряли Константинополь и независимость, зато византийские беженцы на Запад стали закваской в религиозной революции, которая в XVI веке произошла на Западе. Греки и греческая культура стали одной из великих культурных сил Возрождения и подпитали интеллектуальной и духовной энергией Реформацию.

Но разве может Бог-Община ошибаться в своем прогнозе?

Может, если это прогноз больше чем на 600 (666?) лет, а крушение империи произошло именно за пределами "срока дальности" прогноза "средней зимой большой зимы". Это была не ошибка, а несчастье для нового греческого Духа, становление которого произошло в период доминирования иконоборческих исламских начал.

После 750 года греческое православие утвердилось как религия пассивного освоения мира, как религия приспособления, а не преобразования. Именно после 750 года оно стало собственно православием.

Греки открыли формулу: на одном полюсе - самодержавное греческое государство, которое навязывает свою волю грекам и другим народам Империи, на другом - приспособляющийся к другим народам греческий народ. После 750 года византийские греки создали культуру, в которой политические формы оставались императивными и даже агрессивными, а все, что было вне государства, напротив, стало гибким и мягким, податливым на чужие влияния и склонным к примирению. Церковь, как один из главных институтов государства, также стала императивной и жесткой, четко зафиксировав догмы и литургию. Человек, воспитанный этой церковью, был пассивным и мечтательным, но одновременно хитрым и изворотливым. То, что попадало внутрь Византийского мира, под власть Империи, становилось своим, домашним. Того, что было вовне - не существовало до тех пор, пока государство не объявляло этому внешнему миру как варварской угрозе внутреннему миру византийца.

На Западе к новому "большому циклу" италийской истории сформировался иной, во многом противоположный тип общества и человека.

После угасания Западной Римской империи наступил период феодальной раздробленности. Государство и негосударственные институты римской цивилизации фактически исчезли или представляли собой островки цивилизации (как город Рим) в варварском окружении, которое, к тому же, господствовало над ними.

Политическая система была однозначно отдана в жертву, но в жертву чему? В жертву сверхзадаче христианизации варваров. Восток в то время не имел такой миссии, внутренне если не капитулировав (после иконоборцев), то примирившись с исламом, с расколом Восточной церкви на несколько церквей, исповедующих разные течения восточного христианства и призвав соборность, т.е. демократию христианских общин. Запад же оставался агрессивен, как вероучение и един, как церковь, признав власть папы римского над всем христианским миром, власть не по заслугам, а по политической целесообразности. Получилась обратная православной формула: политическая мозаичность и единая экспансивная вера, человек политически и социально активный, но не во имя государства, а во имя веры.

Все было разным в католицизме и православии после 750 года: государство, церковь и сам человек. Поэтому мечты об объединении никогда не осуществились и даже не приблизились к осуществлению.

Отказавшись от единого государства, Запад родил еще один феномен - феномен появления близких, но находящихся в разных стадиях "большого цикла" европейских народов: французов, германцев, итальянцев, британцев, испанцев, что в последующем стало основой западноевропейской исторической полифонии, позволило Западной Европе играть важную роль в любое время, выдвигавшее в каждую историческую эпоху страну-лидера или группу стран-лидеров и аутсайдеров. Поэтому "большая зима" не могла быть в Западной Европе вселенской катастрофой, она становилась локальной проблемой отдельных стран. Византийская империя же не выдержала очередной "зимы" 1320-1510 годов.

Основными ценностями православных греков стали соборность (церковная общинная демократия), самодержавие, христианский мистицизм (софийская святость). В этой формуле Христос как бы и не нужен, т.к. соборность - это общинность, софийская святость - это общинность, самодержавие - это личность царя и послушание народа. Везде индивидуализм изгнан или поставлен в зависимое, рабское положение, торжествует община и подчинение.

Споры о Троице, о личности Христа для православия после 750 года оказались как бы лишними, они остались в прошлом и лишь расцвели красивыми, но мертвыми узорами византийскую церковность.

За что же боролись? Неужели несколько веков борьбы за сохранение индивидуализма оказались напрасными? Нет, но провозглашенный в начале эры примат общины действительно победил, а личность получила огромное поле свободы, но не вовне, в мире, а внутри, в себе. Личность получила свободу в пределах сложнейшей системы символов византийской культуры. Византийцы, в отличие от католиков, открыли для себя возможность непосредственного общения с Богом, с энергией Бога, их благодать (созерцательный мистицизм) оказалась не философскими поисками или благодатью избранных умов, а монашеским погружением в гармонию божественного света. Это был цельный мир и довольно устойчивая система, иначе она не противостояла бы столь долго исламскому напору. Перед своим окончательным падением Константинополь существовал десятилетия в условиях мусульманского окружения, не как столица великой империи, а как остров.

Православие родило и такой феномен - почти полную отстраненность "книжной элиты" от народа, нежизненную вялую "духовность".

Каковы общие выводы?

Христианство возникло в первом веке нашей эры именно как новое воплощение греческого духа, который, используя иудейскую закваску, по сути, по-новому переформулировал свою национальную культуру. Два века позже, во второй половине III века, возник латинский вариант христианства, который использовал христианскую символику, но по-своему расставил акценты. Главное в греческом христианстве - это смирение индивидуализма под властью общины и создание морали самодержавного государства-империи, к которому греки-арийцы упорно шли, начиная с завоеваний Александра Македонского. Дух великой эллинской гражданской общины умер вместе с пелопонесской революцией (контрреволюцией) третьего-второго веков до н.э. Греческий Бог-Община выбрал Восточную империю, как более устойчивую структуру, предпочтя ее афинской или спартанской гегемонии. Вместе с ней исчез человек-гражданин, правда, оставив после себя человека - свободного философа. Одиссей-путешественник и колонизатор стал Одиссеем-философом, а Одиссей-философ уже в первые христианские века стал Одиссеем-монахом.

После новой реинкарнации в VIII веке греческий дух, основанный ранее на ценностях самодержавия, христианской общины и личной духовной свободы, сделал еще один шаг в сторону от индивидуализма и одновременно создал византийскую культуру как более гармоничную и закрытую, замкнутую на себе. Ценность самодержавия была укреплена ценностью соборности, т.е. особой формы демократии, полностью основанной на волеизъявлении христианской общины под контролем имперской канцелярии (т.е. христианская община превратилась в более структурированную, развитую и государственно-ориентированную "соборность"). Ценность личной духовной свободы, которая проявлялась, прежде всего, во взаиморазвитии христианства и платонизма в первые века христианства и позволяла индивидууму критически относиться к вере, заменилась ценностью мистического христианства, впоследствии исихазма, ставящего целью непосредственное видение Бога через ряд ритуально-молитвенных действий и как следствие аскетичного образа жизни.

Какие последствия это повлекло? Самодержавие и соборность создали действительно органичную систему устройства общества, о которой страстно мечтали русские православные. Мистицизм помог создать человека, живущего не столько разумом, сколь душой, чувствами, помог личную творческую активность направить к общинному разуму, причем, что важно, уже в индивидуальном поведении, в малых группах людей, в которых общинный эффект сам собой не возникает или проявляется слабо.

Обратной стороной византийской гармонии стала закрытость, самозамкнутость общества, его пассивность, неэкспансивность, в том числе и экономическая, внутреннее поражение перед столь же гармонично-общинным, но более простым и активным исламом. Поэтому Византийская империя не рухнула, она растаяла под жаром наступающего ислама. И это очень интересный исторический факт. У Византийской империи были столь великие силы при защите от внешнего мира, что она пережила великую арабскую и великую монгольскую экспансии, не говоря о многочисленных войнах, в том числе со славянами, с западными христианами. Константинополь пережил великое разрушение крестоносцами в начале XIII и снова воскрес. Но студеной "зимней" порой XV века он сдался туркам.

IX. Генезис католицизма

По какому пути двинулся латинский вариант христианства? В III-V веках н.э. Западная Европа все еще оставалась диким местом, да еще и переворошенным великим переселением народов. Только Италия оставалась более-менее цивилизованным местом, хотя и она была наводнена варварами и подчинена варварскому вождю. Но Рим выжил, там остался римский папа, даже сенат и другие учреждения республиканского Рима. Остались и монастыри по всей территории Европы, а в них - латинская грамота.

Великий период Римской экспансии первого века до н.э. - первого века нашей эры обессилил языческий римский Дух и итальянский народ. Только породнение с более развитыми греками и их новым "изобретением" - христианством, позволило Западной Римской империи возродиться в III-IV веках и затем трансформироваться в невидимую "империю" монахов.

На каких же основных ценностях было построено римское общество после реинкарнации национального Духа в третьем веке? Это ценность церковности, церковной иерархии. Но вместо просто личной свободы (свободы, нашедшей себя внутри личности человека, в его разуме, в философии) доминирует чисто римская (не арийская?) идея гражданской свободы (свободы выбирать и контролировать власть, свободы граждан собираться и обсуждать общественные вопросы. Свободы, основанной на уважении к авторитету римского права). Вместо ценности самодержавия утвердилась ценность политического баланса, будь это баланс между властью императора и сената, баланс между Восточной и Западной империями, даже баланс между варварами и Римом, а также баланс между Христом и Богом-Отцом, а лучше еще и с Богом-Духом, баланс между человеческой и божественной природой Христа, и т.д. Эту ценность можно еще назвать ценностью веротерпимости или просто терпимости. Причем, терпимость надо понимать не как вынужденность, терпение, а как положительную ценность, к которой активно стремились, если видели в лице какой либо из сил угрозу узурпации всей власти над обществом. Это великая и созидательная ценность, которую создал итальянский Бог-Община в третьем веке нашей эры. Она стала мощным стимулом в сохранении всего культурного богатства, созданного народами Империи в прошлые века. Возможно, это было правовое чувство баланса интересов, но было шире его, включая его.

Идея чистилища (чисто западная идея) - это тоже идея баланса. Человеку дают понять, что даже для много согрешившего не все потеряно. Придется, конечно, рассчитаться с Богом, но потеряно не все, пути в рай остаются открытыми. Чистилищем римляне балансировали крайности сладкого до тошноты рая и ужасного до равнодушия ада.

Может быть, ахейская культура, перенесенная греческими колонистами на итальянскую почву, утвердилась в римской гражданской общине и взяла реванш за свое поражение в Греции, преобразовавшись в латинский вариант христианства в III веке н.э. Иначе сказать, историю Запада следует рассматривать как историю борьбы между ахейским и арийским Духом. Чем не гипотеза?

Поскольку среди латинских ценностей не было имперских, то центр Империи быстро переместился на восток, в Византию, где императоры чувствовали себя уютнее. Несмотря на развитие христианства и его распространение, индивидуализм и гражданственность цвели пышным цветом, а когда пришли варвары, а пришли они не сразу - почти весь пятый век был веком угасания Западной империи, и прежние культурные формы потонули в океане великого переселения народов, новые ценности помогли островкам латинской культуры приспособиться и к этой реальности - началась незаметная созидательная работа по превращению варварских народов в христиан-католиков.

В "темные века" VI-X веков на Западе не создано новых идей и почти нет великих имен христианства и философии, да этого и не было нужно, культурная революция в это время шла не вглубь, а вширь, шла великая борьба за христианскую грамотность населения, правда, несколько ослабленная в X веке, веке сильных морозов "большой римской зимы", веке разврата папства и католического духовенства.

В XI веке (конец "большой римской зимы") работа по латинизации (католизации) Европы была завершена. Начался новый период. С какими ценностями вступила в него католическая церковь и Италия?

Ценность христианской иерархии, как иерархии церковной жизни, чем-то заменившей, а не только дополнившей идею государственной иерархии, была преобразована в ценность уже не просто церковной духовной организации, но в ценность теократического государства - Священной империи. Ценность гражданской свободы осталась неизменной, но ценность терпимости и рожденное ею чувство баланса, позволяющее двигаться с шестом по канату внешних противоречий, были утрачены - католический мир стал достаточно сильным, чтобы больше сил отдавать не творческому преобразованию среды, а менее энергоемкой экспансии.

Поскольку идея теократического государства отделилась от идеи церковности, то оставшаяся в осадке идея христианской общины преобразовалась в ценность католического ордена, т.е. некоего общинно-общностного образования, имеющего свою идеологию, программу, не сводимую только к идеалу католицизма, а также свою иерархию, своих авторитетов и, как правило, свое имущество. Орден опирался на свои монастыри, имел тесные связи с папством, имел также международный характер. Фактически это было государство в государстве. Орден возникал снизу, но добивался покровительства папы и включался в иерархию католицизма. Это была фактически основа задуманного папством теократического государства, но не сводилась к нему, имея в своей основе как живую христианскую общину, так и идеологию, объединяющую индивидуумов значительно больше, чем их объединяла власть папы. Поэтому третьей ценностью уже не раннего, а среднего, так скажем, католицизма, была ценность "орденства". Несмотря на свой синтетический характер, орден имел очень многое от партии, объединенной общими идеями, т.е. шедшей от индивидуума к обществу, а не от общины к индивидууму, а затем к обществу.

В какой то мере зарождение орденов было обусловлено стремлением папства противостоять зарождающимся национальным государствам: французскому, германскому, британскому. Их надо было удержать под властью римского папы. Но, как обычно это бывает, начавшись с целей защитных, охранительных, после успешного испытания идея превратилась в агрессивную. Очень скоро католические ордена станут основным инструментом для экспансии на Восток.

В результате дальнейших взаимодействий католицизма-орденства и собственных духов родившихся национальных культур основных западноевропейских народов, а также в результате закрепления в самом католицизме статуса как общины, так и индивидуализма в лице Бога-Отца и Бога-Сына, возникла богатейшая и динамичная, внутренне противоречивая и внутренне увязанная западноевропейская культура. Она дала толчок к развитию всех основных форм как материальной, так и "материальной", т.е. конкретно-духовной (в политических, экономических, социальных системах) культуры, но была чревата торжеством схоластики, развитием крайних форм индивидуализма, атомизирующего людей, приводящего к большим центробежным тенденциям в самом обществе. В отличие от православия, создавшего духовно-динамичную, но общественно-статичную гармонию, католицизм создал цветастое, иногда кипящее всеми страстями общество; общество свободы как для великого, так и низменного; общество, успокоиться для которого - это значит умереть; общество, время от времени направляющее всю свою активность то на крестовые походы, то на борьбу с наступающими турками, то на покорение Америки, Африки, Индии и обретшее себя в экономической экспансии. Но для того, чтобы родить "экономического человека", католицизм должен был подвергнуться реформации. Именно реформировавшие его в XVI веке английская и немецкая нации стали в последующие века локомотивами экономического развития.

Примерно в это время (в XVI веке) произошло другое важное историческое событие - латинский Дух фактически потерял глобальную миссию также, как веком раньше ее утратил и греческий Гений. Именно в это время началось массовое распространение Библии на национальных языках. В протестантских странах латынь быстро была вытеснена из церковной жизни. Теперь Италии предстояло развиваться как обычной стране, а не стране-мессии. Папство стало чем-то вроде королевской власти в Англии - главным источником его власти стал не живой Бог-Община, а авторитет традиции. Впрочем, возможно я не прав. Вопрос требует изучения.

Священная Римская империя была реальностью на протяжении 800 лет (может быть не случайно совпадение со сроком "большого цикла"). Ее разрушение, ставшее следствием утраты латинским языком общеевропейской церковной роли и развития протестантизма окончилось в начале XVII века ужасной тридцатилетней войной, после которой от населения Германии осталась третья часть, а в целом население Западной Европы уменьшилось на треть.

С XVII века не имеет смысла говорить о латинском Духе, как духе общеевропейском, с этого времени европейская культура развивалась в полифоническом взаимодействии национальных духов основных европейских стран, находящихся на разных стадиях "большого цикла".

Но нам интересны последствия очередной ценностной революции в материнской стране западноевропейской культуры - Италии. "Большая зима" здесь завершилась в конце XVIII - самом начале XIX веков. Прежние ценности теократической империи, гражданской свободы и ордена претерпели новое превращение.

В новом цикле итальянской истории к настоящему времени прошла только "весна", и она принесла Италии революционное движение, завершившееся освобождением и объединением Италии, одним из интересных феноменов которого было движение карбонариев; рождение и фиаско фашизма, старшего брата германского национал-социализма; попытку создания большой европейско-африканской империи; распространение по всему миру влияния преступных итальянских кланов; хорошие экономические успехи семейного, мелкого итальянского бизнеса; менее удачный опыт крупного бизнеса, подверженного, как и государство, сильной коррупции; успех и влияние коммунистов и христианских демократов; реформу папства в 60-х годах XX века и усиление его морального авторитета.

В чем смысл этих процессов? Умер ли итальянский католицизм для всемирной (или хотя бы общеевропейско-американской) миссии или он, как и после крушения Западной Римской империи, "вспомнив" и ценность терпимости, вновь стал тонким инструментом для тихого преобразования современной реальности, представляющей собой смесь технократического язычества и крайнего индивидуализма. Ведь, согласно нашей теории, общинный разум мудрее, прозорливее, богаче и "правильнее", чем разум индивидуальный, поэтому необходимым является постоянное обращение индивидуального разума к разуму общины, но для этого надо поддерживать постоянное и полноценное общение с Богом, невозможное вне религиозного ритуала значительных групп людей. Тело Бога - это и головы людей, собравшихся на совместную молитву в церкви или другом общественном месте. Все остальные формы бытия Бога-Отца недостаточны, ущербны и должны считаться скорее лишь подготовкой к совместному ритуалу, средством поддержания тонуса, но не средством излечения (откровения).

Протестантизм, ориентированный больше на проповедь и внутреннюю молитву, обедненный ритуально, давая индивидууму инициативу в его познании и "признании", как бы держит Бога-Отца в "черном теле". Католицизм же, не подавляя индивидуума, дает Богу полноценное бытие. Может быть, католицизм дает индивидууму больше власти и свободы, чем нужно, здесь идеально православие, но это "больше, чем нужно" с точки зрения эгоистичного Бога-Отца, вообразившего себя первобытной общиной. Бог нации, однако, не может влиять на мир вне индивидуального разума, он не всегда прав в столкновении с индивидуальным разумом, овладевшим огромным сверхличностным аппаратом современной науки, он, наконец, смертен.

Поскольку католицизм - это уникальный сплав культуры, обеспечивший свободное бытие общинного и индивидуального Я, поскольку в его истории уже был период, когда сверхценностью стала терпимость, заключающаяся в активном поддержании баланса между силами этого мира и одновременным движением по канату этого баланса к утверждению католического мировоззрения, то можно предположить, что современные итальянцы также реализуют ценность терпимости и движутся по пути восстановления католического ритуала и католических форм жизни, как более цельных и многогранных, чем протестантские.

Возможно, итальянцы вернулись не только к ценности терпимости, но и к ценности церковности - признанию авторитета формальной церковной иерархии местных церковных общин. Папа остается во главе этой иерархии просто по древней традиции, он может быть плохим или хорошим, но он "викарий" самого Бога, ведь и отец может быть плохим или хорошим, но нравственно почтение к любому отцу. Церковная община и тесно связанная с ней, интегрированная в нее клановая семейная община оказались живой (неформальной) основой всего бытия большинства итальянцев. Век австрийского господства, пришедшийся на вторую половину итальянской "зимы", породившись с французской революционностью, дал на итальянской почве богатые плоды тайных обществ и преступных кланов. Ценность церковности, оставаясь живой частью ценностей теократического государства и ордена, по-видимому, преобразовалась в конце XVIII в ценность кланово-христианской общины.

Италия, ставшая провинцией Австрийской империи, потеряла ценность гражданственности, эта древняя идея как бы самоуничтожилась. Ценность ордена, устремленной к торжеству католицизма во всемирном масштабе, сильно "потрепанная" крестовыми походами и практикой инквизиции, преобразовалась частично в ценность клановой организации. Но какова третья базовая ценность итальянцев с XIX века, кроме терпимости и клановости? Терпимость во имя чего? Во имя утверждения клановых начал в устройстве общества? Но клановые начала отвергают индивидуализм, фактически их торжество - это общенациональное торжество одной из самых простых форм общинной организации - семейной общины. Значит, третья базовая ценность должна защитить начала индивидуализма? Нет среди этих базовых ценностей и явно государственной, консолидирующей общество идеи, как идеи политической. Значит, в ней должно быть заключено и политическое содержание. Может быть, это идея тайного государства: масонского или государства "Мафия"? Может быть, это идея корпоративного фашистского государства, объединяющая не индивидуумов и общины, а классовые общества и социальные общности. Может быть, идея корпоративного государства как раз и является третьей базовой ценностью нового итальянского Духа? Здесь как раз содержится и государственная идея и идея индивидуалистская, "государственность" ее очевидна (мы видели как эти идеи двигали фашистами в Италии и нацистами в Германии), а индивидуализм находит опору в том, что общине противопоставляются общности, т.е. сознательное объединение индивидуумов по каким-либо признакам. В партийном государстве это идеологии, идеи, в корпоративном - осознанные интересы социальных и экономических групп, конечно тоже принявшие форму идеологий, но идеологий (простите за тавтологию) "не идеологических", а эдаких "квасных", "сермяжных" - "вот мой интерес, моя земля, моя правда - и я сверну тебе шею, потому что ты мне мешаешь (мешаешь моему классу, моей семье, моей нации)".

Идея корпоративности была частью средневековой европейской культуры (гильдии ремесленников), но тогда она играла второстепенную, в основном экономическую роль. В фашистском государстве она стала центральной экономической, социальной и политической идеей, впервые превратилась в основу конкретной социально-экономически-политической формации. Фашизм стал формацией, а корпоративизм явился базовой ценностью, третьей базовой ценностью итальянцев, ставшей одной из основ фашизма. Что дальше?

В XXI-XXII веках традиционные государственные формы будут ослабевать под напором необычайной свободы передвижения и свободы информации, перед лицом роста организованной преступности. Вот парадокс, еще не вполне осознанный обществом: Россия с ее ядерными силами, способными многократно уничтожить весь мир, беззащитна перед маленькой фанатичной Чечней, а если не беззащитна, то совсем не благодаря этим ядерным силам, на которые до сих пор тратится лучшая часть национального потенциала, как материального, так и интеллектуального. Победа в информационной войне становится главным фактором победы в любой войне.

И это только начало разложения традиционной государственности во всем мире. Государственность XXI-XXII веков не может оставаться современной формой государственности, т.е. формой, претендующей не на всего человека целиком, а лишь его часть: "отработал - отдохни, забудь обо мне пока". Государство XXI-XXII веков станет тоталитарным, но не тем безжалостно и коряво тоталитарным государством XX века: коммунистическим, фашистским, франкистским или нацистским, а государством более органичным, и, простите меня за такую ересь, духовно-тоталитарным. Возможно, возникнет эффект транзитного, "виртуального" государства, потому что его носители будут жить не на одной территории, территория почти потеряет государственнообразующий смысл. Группы людей, объединенные "своим государством", будут, подобно цыганам, путешествовать по всему миру, останавливаясь на месяц под Лондоном, на другой - где-нибудь на Конго, на третий - в Армении и т.д. Ведь для распространения информации фактор расстояния уже исчез (интернет). Очередь теперь за физическими перемещениями больших групп людей. Если оно будет удешевлено на порядок и сделано более удобным, например, посредством сети сверхскоростных магнитных дорог, не зависящих ни от погоды, ни от чего, кроме идеальной компьютеризированной, роботоуправляемой и многократно защищенной технической системы и корпорации, ее обслуживающей. Так что люди, садясь в поезд в Москве в 7 часов утра, в 8-30 оказываются в Каире или Мадриде - (эдакое метро конца XXI века!). Во второй половине XXI века произойдет великая революция в передвижении. И все это, благодаря последним достижениям науки и техники, вполне реально. Дело лишь за

революционным удешевлением энергии и дальнейшей миниатюризацией чипов. "Транзитные государства", прежде всего преступные империи конца XXI века станут сильным катализатором процессов корпоративизации, национализации и религиозного возрождения, т.е. породят мощную реакцию.

Но почему, несмотря на такую свободу, восторжествует тоталитаризм? Потому что слишком много демонов вырвутся наружу. Человек просто потеряется, но не перед лицом свободы, а перед лицом бездны. Порвутся привычные пути, привязывающие человека к месту, к семье, к государству, к учреждению, в котором он учится или работает, все придет в движение, возникнет множество дисбалансов, например, массовое перемещение людей вслед за теплой погодой, и, как следствие, обезлюдевшие зимой огромные города и, напротив, вавилонское столпотворение в них летом.

Ясно, что на весь этот хаос и бардак последует реакция, упорядочивающая и объединяющая. Реакция не будет примитивной, в духе луддитов - разрушителей машин. Эта реакция будет, скорее всего, в виде корпоративизации государств, в виде создания стройной системы и иерархии профессиональных и социальных групп, которые создадут сложнейшие системы регламентизации для индивидуумов. Именно в тотальном контроле за выполнением правил и ограничений будет проявляться пугающая современному либерала тоталитарность, но основания правил и ограничений будут обоснованы, а не просто навязаны людям. Высшей мерой наказания будет не казнь, и даже не тюрьма, а изгнание из корпорации. Изгнанному из корпорации придется отказаться от многих льгот и привилегий, он вряд ли будет принят в другую корпорацию, потому что принадлежность к ней должна зарабатывать и соответствовать личным способностям и знаниям. Изгнанный из корпорации человек может вести жизнь отшельника, обычного семьянина, члена клана или церковной общины, в конце концов он может творить поэмы или писать книги в надежде на признание его таланта, если талант есть. Вот такая революция ждет, конечно, не нас и наших детей, но поджидает наших внуков и правнуков во второй половине XXI века.

Но причем здесь новое торжество католицизма? Его новое предназначение в том, что ни корпоративное государство, ни клановость, как таковые, не смогут ответить на вызов великой революции свободы передвижения, если не возродится массовое движение к христианскому Богу, примерно так, как это произошло в XX веке в исламе. Иначе корпорации так поделят мир, что рано или поздно начнется война всех против всех, а кланы превратятся в преступную машину, пожирающую людей. Поэтому именно религия, чувство христианского единства, дадут людям Запада реальное общеобъединительное начало в условиях размывания национальных границ, корпоративного размежевания и отчуждения, разрастания раковой опухоли клановой преступности. Протестантизм, ориентированный на воспитание "экономического человека", окажется слишком беден для того, чтобы понять, духовно освоить новое пришествие средневековья. Православие окажется более адекватным, но его реакция запоздает лет на 100 по сравнению с католической.

Примем, что базовой итальянской ценностью является не клановость, а соборность как замена идеи теократической монархии. Папа римский превратится в международного спикера, а не вселенского монарха. Вот более адекватная формула нового латинского духа: соборность - корпоративность - терпимость (баланс). И все же соборность под вопросом.

Х. История России в контексте эволюции национального Духа и православия

Россия переняла христианство у греков в начале "большого греческого лета", во время "средней зимы большого русского лета". В это время свирепствовала "большая латинская и исламская зима", поэтому русские естественно переняли христианство, и именно христианство греческое. Но время принятия христианства было для Руси не очень удачным, когда национальный дух уже закостенел и начал клониться к упадку. Может быть, поэтому христианство на Руси в первые века было скорее внешним явлением, чем внутренним законом. В таком эклектичном языческо-христианском состоянии Россия подверглась монгольскому вторжению.

Православие не смогло в то время привить на Руси органичные византийско-православные ценности самодержавия (в XII веке Русь фактически распалась на удельные княжества), соборности и христианского мистицизма. Что же составляло сущность русского Духа в то время?

В основе русского Духа VII-XIII веков лежали ценности родовой общины, обожествленной природы великой русской равнины, представленной языческими богами, и ценность военной иерархии, воспринимаемой как государственная идея. Христианство, принятое "не вовремя", нанесло удар по гармоничной языческой культуре (возникли многочисленные "перуновы заклатья"), вместо здоровой лесной, степной, природной сельской основы бытия попыталась утвердиться городская келейно-елейная сумрачная основа. Церковно-славянский язык русской Библии несет отпечаток какого-то насилия над природой великого языка (до сих пор, кстати). Русский человек Древней Руси оставался живым и непосредственным, а церковная культура стала первым насилием над его Духом. Несвоевременная и ускоренная христианизация Руси стала надругательством над его богами, изнасиловала его язык, но помогла утвердиться зачаткам русской самодержавной государственности и новых русских ценностей.

В XI-XII веках возникли довольно жесткие противоречия между властью и народом (власть христианская и считающая себя самодержавной, народ в основе языческий и природно-вольный), между городом и деревней (город у власти, народ в деревне).

Впрочем, с трудом, но христианство все-таки прививалось к живому русскому дереву, т.к. усложнение государственной, социальной и экономической жизни вело к естественному угасанию ценностей обожествляемой природы и простой родовой общины. Первая переходила в разряд несамостоятельной ценности, ведь задача покорения природы была решена как для народа, так и для отдельного человека, человек уже не боялся так зверя и природу, чтобы ставить их в центр своей жизни (а основные ценности - это одновременно и центральные проблемы бытия), обожествляя их лишь по инерции. Вторая также все больше включалась в сложные общественные отношения, уже совсем не регулировала поведение горожан и не полностью регулировала поведение деревенских жителей.

Поэтому христианство, внедренное на Руси в основном не тихой проповедью и примером, как в Западной Европе периода пяти "темных веков", а по-революционному насажденное княжеской властью, всего за два века прижилось, но прижилось как кривое дерево. Ему далеко было до гармонии византийской религии и имманентности латинской. Наверно поэтому самодержавие не утвердилось на Руси к моменту прихода монголов, несмотря на огромные усилия великих князей. Скорее всего оно было отторгнуто национальной культурой именно как виновник насилия, его источник и причина.

Поэтому Русь монголам досталась обессиленная внутренней борьбой, раздробленная и вступившая в "большую зиму". Причина тотального поражения не только в сокрушительном военном поражении и разорении, но прежде всего в том, что у Руси не хватило сил восстановиться, она не смогла и ассимилировать завоевателей. Все здесь сошлось против Руси, кроме одного: монголы не были достаточно сильны и многочисленны, чтобы ассимилировать русских. В результате на огромных просторах великой русской равнины сложилась уникальная ситуация, чем-то похожая на ситуацию в древней Спарте, где существовал народ господ и народ рабов, где господа раз в год объявляли войну против своих рабов и доблестью считалось в это время убивать (своих!) рабов. То же сложилось и здесь: целый народ стал рабом, и время от времени, кроме регулярной дани, подвергался набегам, имеющим целью "пустить судорогу" (выражение Достоевского).

Церковь в это время как-то приспособилась к завоевателям, моля Бога за здоровье великих ханов, а великокняжеская власть лакействовала перед Ордой. Князья за честь считали участие в ханских походах друг против друга, часто становились инициаторами грабежей и разорений русской земли.

Но в конце XIV - начале XV веков "большая зима" закончилась, и из этой "зимы" Россия вышла не только с изменившимися границами, но и с новым национальным Духом, теперь уже истинно православным и христианским. Основные ценности нового национального Духа были наследием не только первых веков насильно внедренного православия, но и последних веков тотального насилия. Самодержавие, как ценность, стало парадоксальным сплавом гармоничного византийского самодержавия и практики монгольского чужеземного правления. Дикость, какое-то изощренное зверство российской власти, особенно в острые периоды борьбы "за идею", останутся в русской и мировой истории одной из черных запоминающихся страниц. Вот один из примеров этого чудовищного зверства русского самодержавия в пору его расцвета. Читаем у замечательного Н.И.Костомарова:

Новгород и Псков были в большом страхе. В это время какой-то бродяга, родом волынец, наказанный за что-то в Новгороде, вздумал разом и отомстить новгородцам, и угодить Ивану. Он написал письмо как будто от архиепископа Пимена и многих новгородцев к Сигизмунду-Августу, спрятал это письмо в Софийской церкви за образ Богородицы, а сам убежал в Москву и донес государю, что архиепископ со множеством духовных и мирских людей отдается литовскому государю. Царь с жадностью ухватился за этот донос и тотчас отправил в Новгород искать указанных грамот. Грамоты действительно отыскались. Чудовищно развитое воображение Ивана и любовь к злу не допустили его до каких-нибудь сомнений в действительности этой проделки.

В декабре 1569 года предпринял Иван Васильевич поход на север. С ним были все опричники и множество детей боярских. Он шел как на войну: то была не только странная, но еще и сумасбродная война с прошлыми веками, дикая месть живым за давно умерших. Не только Новгород и Псков, но и Тверь были осуждены на кару как бы в воспоминание тех времен, когда тверские князья боролись с московскими предками Ивана. Город Клин, некогда принадлежавший Твери, должен был первый испытать царский гнев. Опричники по царскому приказанию ворвались в город, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни в чем не повинные, не понимавшие, что все это значит, разбежались куда ни попало. Затем царь пошел на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякого встречного, кто не нравился. Подступив к Твери, царь приказал окружить город войском со всех сторон и сам расположился в одном из ближних монастырей. Малюта Скуратов отправился по царскому приказу в Отрочь-монастырь к Филиппу и собственноручно задушил его, а монахам сказал, что Филипп умер от угара. Иноки погребли его за алтарем.

Иван стоял под Тверью пять дней. Сначала ограбили всех духовных, начиная с епископа. Простые жители думали, что тем дело и кончится, но через два дня по царскому приказанию опричники бросились в город, бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары - воск, лен, кожи и пр., свозили в кучи, сжигали, а потом удалились. Жители опять начали думать, что этим дело кончится, что, истребив их достояние, им по крайней мере оставят жизнь, как вдруг опричники опять врываются в город и начинают бить кого ни попало: мужчин, женщин, младенцев, иных жгут огнем, других рвут клещами, тащат и бросают тела убитых в Волгу. Сам Иван собирает пленных полочан и немцев, которые содержались в тюрьмах, а частью помещены были в домах. Их тащат на берег Волги, в присутствии царя рассекают на части и бросают под лед. Из Твери уехал царь в Торжок, и там повторилось то же, что делалось в Твери. В помяннике Ивана записано убитых там православных христиан 1490 человек. Но в Торжке Иван едва избежал опасности. Там содержались в башнях пленные немцы и татары. Иван явился прежде к немцам, приказал убивать их перед своими глазами и спокойно наслаждался их муками; но когда оттуда отправился к татарам, мурзы бросились в отчаянии на Малюту, тяжело ранили его, потом убили еще двух человек, а один татарин кинулся было на самого Ивана, но его остановили. Все татары были умерщвлены.

Из Торжка Иван шел на Вышний Волочек, Валдай, Яжелбицы. По обе стороны от дороги опричники разбежались по деревням, убивали людей и разоряли их достояние.

Еще до прибытия Ивана в Новгород приехал туда его передовой полк. По царскому повелению тотчас окружили город со всех сторон, чтоб никто не мог убежать из него. Потом нахватили духовных из новгородских и окрестных монастырей и церквей, заковали в железа и в Городище поставили на правеж; всякий день били их на правеже, требуя по 20 новгородских рублей с каждого, как бы на выкуп. Так продолжалось дней пять. Дворяне и дети боярские, принадлежащие к опричнине, созвали в Детинец знатнейших жителей и торговцев, а также и приказных людей, заковали и отдали приставам под стражу, а дома их и имущество опечатали. Это делалось в первых числах января 1570 года.

6 января, в пятницу, вечером, приехал государь в Городище с остальным войском и с 1500 московских стрельцов. На другой день дано повеление перебить дубинами до смерти всех игуменов и монахов, которые стояли на правеже, и развести тела их на погребение, каждого в свой монастырь. 8 января, в воскресенье, царь дал знать, что приедет к Св. Софии к обедне. По давнему обычаю, архиепископ Пимен со всем собором с крестами и иконами стал на Волховском мосту у часовни Чудного креста встречать государя. Царь шел вместе с сыном Иваном, не целовал креста из рук архиепископа и сказал так: "Ты, злочестивец, в руке держишь не крест животворящий, а вместо креста оружие: ты со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этим оружием уязвить наше царское сердце; вы хотите отчину нашей царской державы Великий Новгород отдать иноплеменику, польскому королю Жигимонту-Августу; с этих пор ты уже не назовешься пастырем и сопредстольником Св. Софии, а назовешься ты волк, хищник, губитель, изменник нашему царскому венцу и багру досадитель!" Затем, не подходя к кресту, царь приказал архиепископу служить обедню.

Иван отслушал обедню со всеми своими людьми, а из церкви пошел в столовую палату. Там был приготовлен обед для высокого гостя. Едва уселся Иван за стол и отведал пищи, как вдруг завопил.

Это был условный знак (ясак): архиепископ Пимен был схвачен; опричники бросились грабить его владычную казну; дворецкий Салтыков и царский духовник Евстафий с царскими боярами овладели ризницей церкви Св. Софии, а отсюда отправились по всем монастырям и церквам забирать в пользу царя церковную казну и утварь. Царь уехал в Городище.

Вслед затем Иван приказал привести к себе в Городище тех новгородцев, которые до его прибытия были взяты под стражу. Это были владычные бояре, новгородские дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы. С ними вместе привезли их жен и детей. Собравши всю эту толпу перед собой, Иван приказал своим детям боярским раздевать их и терзать "неисповедимыми", как говорит современник, муками, между прочим, поджигать их каким-то изобретенным им составом, который у него назывался "поджар" ("некою составною мудростью огненною"); потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, шибко везти вслед за собой в Новгород, волоча по замерзшей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли их жен и детей; женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, которые всплывали. "Пять недель продолжалась неукротимая ярость царева",- говорит современник. Когда наконец царю надоела такая потеха на Волхове, он начал ездить по монастырям и приказал перед своими глазами истреблять огнем хлеб в скирдах и в зерне, рубить лошадей, коров и всякий скот. Осталось предание, что, приехавши в Антониев монастырь, царь отслушал обедню, потом вошел в трапезу и приказал побить все живое в монастыре. Расправившись таким образом с иноческими обителями, Иван начал прогулку по мирскому жительству Новгорода, приказал истреблять купеческие товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери в домах, истреблять домашние запасы и все достояние жителей. В то же самое время царские люди ездили отрядом по окрестностям Новгорода, по селам, деревням и боярским усадьбам разорять жилища, истреблять запасы, убивать скот и домашнюю птицу. Наконец 13 февраля, в понедельник, на второй неделе поста, созвал государь оставшихся в живых новгородцев; ожидали они своей гибели, как вдруг царь окинул их милостивым взглядом и ласково сказал: "Жители Великого Новгорода, молитесь всемилостивого, всещедрого, человеколюбивого Бога о нашем благочестивом царском державстве, и детях наших, и о всем христолюбивом нашем воинстве, чтоб Господь подаровал нам свыше победу и одоление на видимых и невидимых врагов! Судит Бог изменнику моему и вашему архиепископу Пимену и его злым советникам и единомышленникам; на них, изменниках, взыщется вся пролитая кровь; и вы об этом не скорбите: живите в городе сем с благодарностью; я вам оставляю наместника князя Пронского".

Самого Пимена Иван отправил в оковах в Москву. Иностранцы говорят, что он предавал его поруганию, сажал на белую кобылу и приказывал водить, окруженного скоморохами, игравшими на своих инструментах. "Тебе пляшущих медведей водить, а не сидеть владыкою",- говорил ему Иван. Несчастный Пимен был отправлен в Венев в заточение и жил там под вечным страхом смерти.

Оправданием и ограничением такого вот самодержавия стала другая базовая ценность - воля. Ее исторические явления - в русских смутах и великой русской революции XX века. Великий русский историк С.М.Соловьев поможет нам понять, что же такое русская воля.

Вслушавшись внимательно в эту длинную и однообразную песню русского народа, которую он заводит от Киева и Царя-города и ведет через Волынь, Галич, Чернигов, Новгород, Москву к Казани, Астрахани и Сибири, мы видим ясно, что это народ, проживший восемь веков в одинаковых исторических условиях. Любимый образ фантазии певцов - это богатырь-казак, названия однозначные. Как в X, так и в XVII веке русский мир был на Украине, как в X, так и в XVII веке человек, которому было тесно в избе отцовской, у которого "сила по жилочкам

живчиком переливалась, которому было грузно от силушки, как от тяжелого беремени", отправлялся в степь-поле, где ему легко найти, на ком попробовать свою силу молодецкую. Многие переменялись в государственном строю России с X до XVII века, от времен ласкового киевского князя Владимира до времен великого государя царя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца, но удалцы по-прежнему шли в степь *поляковать* (от *поле*), на Дону образовалось большое военное братство удалых *поленец* (опять от *поле*), где каждому богатырю можно было набрать себе дружину и идти на подвиг. Таким образом, для народа была возможность через целый ряд веков петь свою песню на один лад, потому что содержание ее было живо перед его глазами; богатырь не умирал в казаке, и наши древние богатырские песни в том виде, в каком они дошли до нас, суть песни казацкие о казаках. Знакомый с этими песнями знает, что самое видное место между богатырями занимает Илья Муромец; он обыкновенно называется старым казаком и прямо донским казаком, атаманом донских казаков: "Помутился весь тихий Дон, помешался весь казацкий круг; что не стало у них атамана, что старого казака Ильи Муромца". Разбойники, испуганные его силою, просят его, чтоб взял их к себе в товарищи, в донские казачонки.

Молодой человек чувствует тяжкий груз силы, чувствует тоску по степи и говорит матери: "Ай же ты, государыня моя матушка! давай же прощеньице-благословленьице: поеду я во далече-далече чисто поле, хочу разгонять бурушка косматого, хочу поразмять своего плеча богатырского, опробовать силы-удали молодецкие. Долго ли мне жить во глупом во малом во ребячестве, ходить мне дома по улице широкие, с ребятами тешиться?" Пока молодой человек не вырвется в чисто поле, все он будет жить в глупом, малом ребячестве: от глупого ребячества до возмужалости нет переходного времени образования! Страшен бывал сильный человек, вырвавшийся прямо из глупого, малого ребячества на полную волю, в чистое поле, и начавший разминать свое плечо богатырское. Песни превосходно изображают нам эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничем; эти поэтические изображения объяснят нам не одно явление не только в древней, но и в новой нашей истории, которая не могла разом отрешиться от старых условий. Илья Муромец, рассердившись, что его не позвали на пир, стреляет по божьим церквам, по чудным крестам и отдает золоченые маковки кабацкой голи на пропив, хочет застрелить князя Владимира с княгиней. Когда Василий Буслаев расходился в бою с новгородцами, то не пощадил крестного отца; мать, чтоб унять расходившегося богатыря, заходит сзади и падает на плеча могучие; богатырь говорит ей: "Ты, старушка лукавая, толковая! умела унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежели б ты зашла впереди меня, то не спустил бы тебе, государыне-матушке, убил бы заместо мужика новгородского".

Богатырь-казак представлял противоположность оседлому земскому человеку, занимающемуся мирным промыслом. Богатырь-казак, которому было грузно от силушки, как от тяжелого беремени, не мог по этому самому успокоиться, должен был находиться в беспрестанном движении, *подвигах*, он гуляет из земли в землю. Богатырь-казак может жить только в широкой степи, в городе он жить не может: "Отправлялись тут могучие богатыри что на поле, на Куликово. Ведь в Киеве-то нельзя им жить; разгуляются, распотешатся, станут всех толкать; а такие потехи богатырские народу было не вытерпеть, которого толкнут - тому смерть да смерть". Богатырь-казак не мог быть в городе и воеводу: "Не дай, господи, делати с барина холопа, с холопа дворянина, из попа палача, из богатыря воеводу".

Земский человек работает, богатырь-казак *гуляет* по широкому полю, *полякует*; но с понятием о гулянье было необходимо связано понятие о зеленом вине, о цареве кабаке, и степной богатырь-казак был очень хорошо известен древнему русскому человеку, известен как записной гуляка, охотник до зелена вина. Илья Муромец, самый почтенный из богатырей, пьет в кабаке вместе с голями кабацкими.

Наконец, сила перестает по жилочкам живчиком переливаться, от нее уже не грузно более, как от тяжелого беремени, богатырь-казак стареет. Приближается смерть, суд, надобно будет расплатиться за то, что смолodu было много бито, граблено, надобно душу спасти, средство к тому - монастырь. Молодые смеются над старым богатырем-казакom: "Пора ти, старому, в монастырь идти!" И беда старому, если пропустит эту пору, встретится в чистом поле с чудовищем, которого не осилит, это чудовище-смерть; он замahнется острой саблею, но рука застоится в плече, не согнется, сабля выпадет из руки; тщетно взмолится богатырь, чтоб смерть дала сроку хоть на три года, хоть на три часа, чтоб имение по церквам разнести, золоту казну по нищей братии; смерть ответит: "Не дам я тебе сроку: твое имение несправедное, золота казна не заработана, и твоей душе не будет помощи". Зашатается богатырь на добром коне и упадет - на сыру землю.

Воля в русской культуре заняла место византийской соборности, которая так и осталась заглохшим начинанием XVI-XVII веков, не осуществившейся мечтой русских мыслителей последующих веков.

Наконец, третьей ценностью стало терпение, приспособляемость к любым социальным и политическим институтам, к любым соседям. Эта ценность является почти антиподом западной терпимости, так как та направлена на преобразование мира под католической доктриной, через нахождение баланса, нулевой равнодействующей действующих в обществе сил, то есть терпимость активна, деятельна, созидательна, направлена вовне. Терпение пассивно, его цель собственное приспособление под внешние условия, приспособление поведения человека и общины к чужеродным ему институтам государства и социального устройства, к инородному окружению. И даже не приспособление, а уход, вот более точное слово. Как во время ига, русские при приближении монголов бежали в леса, так и во времена самодержавия русские "убежали" - уступили власть иностранцам: грекам, немцам, французам. И делали это не по трусости и неразумению, а по глубокому презрению к должностям и деньгам, презрению, обратной стороной которого была черная зависть. Ведь и сейчас зачастую главная цель "новых русских" - как можно быстрее и "эффектнее" промотать состояние, пустить его на ветер. Дело опять не в неумении удержать, а в подсознательном презрении к богатству, ставшему карой божьей для их предков во время ига. Стоило тогда только чуть разбогатеть - тут как тут являлся татарин за данью. Первые цари продолжили эту традицию, не дав никакой защиты частной собственности. Иван Грозный, чтобы отобрать имущество Церкви, даже временно отказался от престола, поставил на свое место марионетку - Казанского царька, его руками отобрал имущество Церкви и потом героем вернулся на трон, но имущество Церкви не вернул. Вот византийская хитрость и монгольское хамство - в едином организме! Ужас ситуации не в поведении Грозного, а в том, что русское общество принимало это как должное и даже восхищалось этим.

Русское терпение - это бегство, уход. Это и вынужденное переселение народа в новые сферы деятельности, не только уход старообрядцев в леса, уход крепостных в казаки, уход в покорение Сибири, но и уход в Бога, уход в черта, уход в авторскую и уголовную песню. Русский Дух научился уходить от всеильного государства, находить свою свободу. Но когда государство теряло свою агрессивность, русский народ захватывал освобожденные им территории, но не для созидательной работы, а для разрушения. Почему? Слишком дисгармонична вся система российского бытия после ига, поэтому здесь возможны только два устойчивых состояния, а именно крайний деспотизм или анархия. Пребывая в середине, российская система находится в точке неустойчивого равновесия.

"Уход" как русская сверхценность похож на византийский мистицизм, тем более, что путь к Богу был для русских главной дорогой ухода. Поэтому эту ценность можно назвать ценностью Святой Руси. Сутью русского православия, каким оно сложилось после XIV века, было умиротворение человеческого духа с собой и с миром, спокойное непубличное служение Богу и людям преподобного Сергия Радонежского. В единении с Богом в Церкви, молитве - сама жизнь русского Духа. Практически повсеместно в XV-XVIII веках соблюдались жесткие требования поста, была распространена искренняя благотворительность и жертвенность. Именно в идеале Святой Руси источник русского терпения и главный адрес ухода (другой - в волю вольную).

В самодержавии Россия нашла форму существования на великой равнине, всегда бывшей перекрестьем потоков великих переселений. Именно эта машина способна была сохранять целостность государства и независимость народа, но тяжелой пудовой гирей висела на его шее. В воле нашел себя русский индивидуализм: "гуляй пока сила, потом замаливай грехи".

В Святой Руси русские нашли общинный идеал, источник любви и энергетической подпитки. Самое страшное преступление Петра I - это указ, принуждающий священников доносить на людей, перед ними исповедовавшихся. Это был яд для Святой Руси, разложивший ее в XVIII-XIX веках. Поэтому в XX веке православия уже не было, был мертвый церковный механизм, не способный предотвратить осквернения оптинского храма Смарагдовым и осквернения самодержавия Распутиным, а затем большевистский эксперимент, завершившийся "безбожной пятилеткой" (далее была война, оздоровившая русское общество, и началось угасание большевизма). У русских остались только воля и самодержавие, родившие чудовищный режим самоуничтожения во имя мировой революции. Итог закономерен - крах.

Что же дальше? Придет ли Россия к православному идеалу органичного самодержавия, соборности и восстановит ли идеал истинной Святой Руси? Насколько этот идеал будет соответствовать раскладу сил в конце XXII века? Какие бури пронесутся над русской землей в XXI-XXII веках?

Вспомним о новом латинском идеале. Это корпоративность, соборность (все же под вопросом), терпимость. Профессиональные корпорации станут очень могущественными во всем мире. Если это так, то и Россия не останется в стороне и примет этот взгляд на государство. Если соборность будет принята как ценность и западным христианством, то восточному, идущему к нему все время, как говорится, сам Бог велел. Наконец, каковой будет третья русская базовая ценность? Воля-вольная? Святая Русь? Терпимость?

Корпоративность придет на смену самодержавию. Соборность успешно заменит ценность "Святой Руси", может быть, став идеей Святой Руси, но не пассивно-успокаивающей, лечебной и компенсаторной, а активной и политически действенной, объединяющей корпоративное государство не террором и тотальным контролем сверху, а "гармоничным тоталитаризмом", активной общинностью и религиозной демократией. А вот судьба "воли" не определена. Что ее может заменить? Ценность экономической свободы, ценность политической свободы, соответственно идеал "экономического" и "политического человека"? Но в идее корпоративности уже содержится идея экономического индивидуализма, политический индивидуализм вытесняется идеей соборности. Т.е. индивидуализм уже представлен. Чего же не хватает? Может ли общество ограничиться только соборностью-корпоративностью? Или эти идеалы незаметно уже содержат в себе тот самый третий? И, все же, куда денется воля-вольная? Неужели исчезнет?

Чтобы ответить, надо подробнее проанализировать это феномен. Мы говорим о воле как другом полюсе полного государственного порабощения, но, с другой стороны, сама "вольность" народа приводила к жестокой политической реакции. Воля - это относительность любых моральных запретов для личности. Это и болезненная реакция раба, сбросившего цепи и растерявшегося перед неожиданной свободой, Это торжество темных, звериных начал в душе. Но все это частности. Воля - это не только свобода, но и власть, это как поет Лидия Русланова - "я опущусь на дно морское, я поднимусь под облака" - буйство внутренней стихии. Вот здесь наверное и суть. В отличие от свободы, более разумной, чем душевной, часто дисциплинированной холодной, но чаще красивой и свежей, как вечная Ника Самофракийская, воля - это буйство стихии, а не свежий ветер, это океан страстей, а не спокойная речная зыбь разума. Русские умеют жить "в воле". Кто еще? Не знаю. Но плыть в бушующем океане неразумно. А если океан успокоится, то и душа тоже? Ведь обратная сторона воли - это рабство, а ее результат часто разрушителен?

Боюсь, что воля еще "наломает дров" в XXI веке и это будет заключительный аккорд завершающегося цикла новой русской истории.

Что же придет ей на смену? Что-то китайское? А что китайское? Путь Дао? Храм Конфуция? Может быть, потоки китайских и индийских переселенцев станут особой проблемой России и она найдет путь к их ассимиляции с помощью третьей идеи?

Характерно ли для всей православной культуры такое явление, как блуждающий авторитет Христа или это только признак русского православия? Что такое блуждающий Христос? От чего так получается? Почему в католицизме Христос не блуждает?

В католицизме Христос действительно сидит на сияющей вершине по правую руку от Отца, у него на "посылках" Святой Дух как и у Отца. На вершине места мало - блуждать некуда.

В православии Христос только номинально на вершине, а раз не на вершине, то может быть в разных местах, и, поскольку он несет личностное начало, а личностное начало в культурах Отца принижено, то возникает приниженность и Христа, но не только приниженность, но и зависимость его положения от самого субъекта. В такой культуре место Христа не установлено обществом, каждый помещает его там, где его видит. Поскольку главная роль Христа - это спаситель, заступник перед Богом, защитник от дьявола, то Христос неизбежно, во-первых, близок к униженному человеку, во-вторых, выполняет посредническое служение, как на небе, так и в преисподней (что-то вроде "челночной" дипломатии). В апостольском символе веры Христос после своей смерти на кресте опустился в ад. "Блуждание" Христа отражает недостаточную зафиксированность его авторитета в общественном сознании, а также его роль посредника человека с небесными сферами и преисподней. Следовательно, "блуждание" Христа - это характерная черта православия как такового, а не только русского православия.

Но в русской культуре диапазон его блуждания максимален, это действительно все пространство между Богом-Отцом и дьяволом, между "дном морским и облаками". Но что такое Христос, находящийся рядом с дьяволом? Это Христос, оправдывающий злодеяния Ивана Грозного как деяния самого Бога (разрушение Новгорода как разрушение Содома).

Причем не только в глазах Грозного (безумцы есть во всех обществах), но в глазах большей части общества, ведь очень многие русские в то время воспринимали гнев царя как гнев божий, считая его справедливым. Это эпизод в описании былинного казака, когда тот чуть мать свою не зарубил и не сделал это только потому, что она подошла сзади. Это дьявольское проклятие патриарха Пимена благочестивому царю Алексею и его роду за то, что тот защитил свое царское достоинство от его притязаний. Это черная злоба современных черносотенцев, которые в любом непонятном для себя явлении видят пришествие антихриста, а на самом деле лишь видят отражение себя в своем Христе.

Российская ненормативность (незакрепленность авторитета) Христа, в отличие от католической нормативности и протестантской сверхнормативности, рождает ту самую волю и, если православие останется религией русских в новом цикле истории, то и воля должна остаться в качестве основной ценности. Но может быть произойдет реформация православия подобно реформации католицизма? Возможно, но реформация эта будет не индивидуалистической реформацией, а общинной революцией. Церковный язык станет нормальным живым русским языком, ритуал упростится, но символ веры останется прежним. Россия избавится от старого Перунова заклания, от гнилых интонаций своего православия, сделав его радостным и гармоничным. Россия преодолет и последствия ига, избавившись от идеи своего беспощадного ханского самодержавия. Россия, по-видимому, создаст синтез ценностей Святой Руси и воли-волюшки, обратив его к Богу.

И все-таки, не получается сформулировать достаточно обоснованное и четкое предположение о формуле национального Духа русских в третьем тысячелетии. Сделаем заход не от латинской формулы Духа и не от Троицы, а от предполагаемого хода русской истории в XXI-XXII веках.

Обосновывая латинскую формулу, я предположил, что основным историческим событием второй половины двадцать первого века станет устранение фактора пространства в перемещении больших групп людей. Будут созданы сверхскоростные и сверхнадежные транспортные средства общего пользования (что-то вроде магнитных "железных" дорог, уложенных в трубу, которые позволят очень быстро развивать скорость, превышающую звуковую в несколько раз). В отличие от авиационного, этот вид транспорта не будет зависеть от погодных условий, станции будут похожи на станции метро, но будут находиться над землей, причем непосредственно в городах и поэтому по удобству будут скорее похожи на обычные автобусные остановки. Этот вид транспорта будет удобен и безопасен, не только из-за бесконтактного способа перемещения в магнитных полях, но и из-за системы многократной защиты, в том числе и от террористических актов. Корпорация работников Большой Трубы (так условно назовем этот вид транспорта) станет в первой половине XXII века самой могущественной профессиональной корпорацией в мире, чем то вроде Газпрома в современной России, будет одной из немногих транснациональных корпораций, "объединивших" мир в начале XXII века.

Следствием этой технической революции станет, как я предположил, отрыв не только отдельных групп людей, а всего общества от территорий, быстрое размывание государств. Представьте себе такие возможности: человек, и не только человек, а семья и не только семья, а целый коллектив (команда, большая группа фанатов, даже толпа, захваченная какой то идеей) утром садится в этот поезд и через час-другой оказывается в любой точке земного шара, и так она может жить постоянно (транспорт очень дешев). Человек может жить в городе Уральске (Казахстан), работать в Москве или в Стамбуле, вечером развлекаться в Риме или Шанхае, ну а по выходным ездить на дачу где-нибудь в Калифорнии или Австралии. Фантастика? Да, но научная. Интернет тоже фантастика, но реализованная.

Произойдет и другое глобальное событие, даже два. Это резкое удешевление энергии еще в первой половине двадцать первого века, в том числе из-за создания термоядерной электроэнергетики (еще одна сверхкорпорация двадцать второго века) и тотальная

компьютеризация и автоматизация экономики, которая, практически ликвидировав рабочие места во многих отраслях и сферах экономики, сделает производственный и организованный труд не всеобщей необходимостью, а делом избранных: предпринимателей, талантливых инженеров, экономистов, менеджеров, в общем, творческих и активных людей. Количественно здесь будет работать не более 10% трудоспособного населения. Еще 10% будут их обслуживать: секретари, охрана, "поднеси-принеси" и т.д. Другая часть активного населения (средний класс) будет работать в сферах обслуживания многообразных личных потребностей, там, где компьютер не сможет дать полноценную услугу, прежде всего в сферах, где нужна душевность и теплота, а не точное и дешевое выполнение каких-то функций. Это, например, гостиничный и ресторанный бизнес, хотя даже женские парикмахеры постепенно "вымрут", так как робот будет делать прически лучше и быстрее. Это деятельность, основанная на творческом самовыражении человека: музыка, живопись, организация массовых торжеств, которая станет одной из самых доходных и больших отраслей, так как жизнь многих людей превратится в сплошной карнавал. В этих сферах будет трудиться еще 30% трудоспособного населения. 20% еще будут трудиться в архаичных отраслях менее развитых стран, таких как Индия. Еще 5% станут профессиональными политиками, духовниками, монахами, пасторами и лидерами общин. Оставшиеся 25% станут бездельниками, бродягами, люмпенами, вечными студентами и профессиональными преступниками, охотящимися за доходами устроенной половины человечества.

Консервативная реакция в конце XXI- первой половине XXII веков на разрушительную свободу перемещения будет очень сильна. Ранее я уже писал о торжестве мягких форм тоталитаризма, который будет "казнить" людей не физически, а наказывать их изгнанием из корпорации. Консервативная реакция проявится не только в жесткой и повсеместной корпоративизации, опасно разделяющей народы, и не только в торжестве соборности, основанной на небывалом росте авторитета и влияния религиозных общин, особенно среди менее благополучной и некорпоративной части общества, но и в росте значения территорий, прежде всего национальных. В разных странах возникнут большие организации и политические движения, которые начнут бескомпромиссную борьбу против пилигримов, вплоть до того, что за ними начнут охотиться. Кое-где вернуться к разрешительному режиму на въезд.

Поэтому национальные территории, быстро размываемые во второй половине XXI века, в первой половине XXII века вернут себе суверенитет.

"Зимняя" Россия окажется в группе стран, наиболее пострадавшей в XXII веке от революции свободы перемещения. Социальная структура здесь окажется очень жесткой и дисгармоничной. Небольшая и преуспевающая корпоративная элита будет жить в охраняемых и изолированных "царских селах", практически полностью отказавшись от контактов с местным населением. Их работа будет происходить в "царских селах" и на охраняемых объектах, а жизнь в - Европе, Америке, Японии, Китае. Не будет силен и многочисленен свой "средний класс", так как здесь будут господствовать китайцы и индийцы, живущие в своих странах и работающие вахтовым методом помесячно в России. Но в первой половине XXII века многие из китайских и индийских челноков осядут в России.

Самым многочисленным классом станет класс люмпенов и бродяг. Но, по законам контрастного общества, очень сильным и многочисленным, гораздо многочисленней и увесистей, чем на Западе, станет и класс монахов, бродячих и оседлых, а во второй половине XXII века этот класс станет центром начинающегося духовного возрождения России. Именно тогда Россия начнет поднимать соборную политическую систему, заставит корпорации открыться для российского общества, как пылесосом втянет в себя китайские и индийские духовные ценности.

Третьей русской ценностью все-таки останется воля, иначе русскому духу не вместить всего того духовного богатства, которое придет на его землю вместе с великим переселением восточных народов, иначе ему не удастся сохранить баланс между разнородными культурами, заселившими русскую землю, иначе он сам утонет в этом океане. Если русские примут ценность мистического христианства, мечтательной Святой Руси, то неизбежно уйдут во внутреннюю эмиграцию, так как их церковки и иконы, их Софийский, воспаряющий в небо храм, будут чужды гулкой душе мусульманина и семейно-уездной душе китайца. Да и все это - далекое византийство. Зато душа казака - это душа чистого поля и тихого Дона, душа русской природы, которую поневоле должны почитать те, кто добровольно переселится в Россию. Это душа человека, открытого любой неожиданности, как хорошей, так и плохой, ведь ни поле, ни река не защитят его, но не защитят и от него. Когда-то в казачестве слились монгол и русский, так и в XXII веке произойдет новый синтез - синтез русского и китайца, но произойдет это на русской земле и потому на русской основе. Китайцы подарят русским свой уютный китайский храм, который займет в его душе место великой Софии и ограничит крайние проявления его воли теплыми рамками семейной общины.

XI. Россия в начале XXI века

Как в России начнется XXI век и чем он закончится?

Мы уже говорили о том, что в начале века утвердится жестко государственно-ориентированный, считающий себя хищным двуглавым орлом, но на самом деле только хищнический капитализм. Это станет, с одной стороны, реакцией российского государственного организма на экономическую либерализацию 90-х годов XX века и на угрозу утраты территориальной целостности страны, а с другой - более адекватным воплощением все еще живой (но по "зимнему" ослабленной) формулы национального Духа, в которой самодержавный абсолютизм занимает почетное второе место после народной воли.

При любом раскладе сил и событий в начале века Российское государство "возьмет свое", ограничив политические и экономические свободы.

Но государственный капитализм, действительно наведя элементарный порядок, не создаст эффективный и устойчивый общественный механизм. При "мягком" огосударствлении сохранится самостоятельность и мотивация среднего и мелкого частного бизнеса, но крупный бизнес будет полностью интегрирован с госаппаратом. Его политика будет определяться политикой всесильного президентского окружения или же самого президента - "царя". Высшая сфера бизнеса, как и политики, будут заражены коррупцией, которая будет усиливаться год от года.

Только постепенно, где-то в 20-е годы XXI в. русский неолиберализм частично отвоюет свои позиции, завоеванные в 90-х годах XX века, причем эти позиции будут опираться не на кучку интеллектуалов и отталкиваться от живых еще воспоминаний о тоталитарном прошлом, а обопрутся на широкие общественные и экономические круги, на отталкивание теперь уже от нового отрицательного опыта жизни в огосударственной коррумпированной экономике. Но либерализм, став серьезным течением и приведя к демократизации общества, не сможет дать ему новый импульс к развитию.

Все это сбудется только при условии, если российское общество не втянется в большую и затяжную Кавказскую или иную внутреннюю войну. Война смешает все карты и приведет к более жестким и продолжительным (устойчивым) вариантам авторитаризма.

Причем, "жесткий" вариант может начать реализовываться уже в ближайшие два-три года. Его причинами в этом случае будут та же большая внутренняя война, сильное общественное раздражение либералами и либерализмом любого толка, в целом отталкиванием от "ельцинского прошлого", от полуразложившегося политического и экономического режима. "Жесткий вариант" ограничит экономическую свободу среднего бизнеса и даже может покушаться на свободу малого бизнеса, опутывая его лицензиями, повинностями, "тяглами" разного рода.

"Малое лето" госкапитализма 2005-2017 годов сменится "малой осенью" 2017-2029 годов. "Малой зимой" либерализм снова имеет шанс на власть. Но реализует ли он этот шанс? Ведь ситуация в мире изменится очень значительно. Резко усилится Китай, Европа несколько запутается в проблемах собственного объединения, а США переживут очень болезненный экономический кризис и завязнут в неожиданной для себя проблеме бунта Латинской Америки и латиноамериканцев, в т.ч. в самих США. Нельзя сбрасывать со счетов и внутреннее неприятие большинством россиян либеральных принципов, основанных на свободном индивидуализме.

Возможно, как раз в это время в мире усилятся идеи корпоративного социализма - фашизма (не путать с нацизмом!) или близкие к нему идеи, основанные на антилиберализме, на осознании необходимости социального регулирования труда, рынков и частной собственности.

Эти идеи не могут не быть восприняты россиянами в условиях полной неудовлетворенности собственным государством, российским частным капиталом, российским рынком, местом России на экономической и политической карте Евразии.

Россия "заболеет" одной из новых идеологий, обещающих создать жесткую систему, регулирующую общественные отношения в дополнение (и помимо) к недостаточно легитимным, с точки зрения россиян, рыночным и капиталистическим отношениям.

Поэтому более вероятной, чем новая и "настоящая" либерализация, станет реализация новой для России "фашизации" общества. Вместо ставки на регулирование экономических отношений исключительно или почти исключительно рыночными методами, ставки на отработку и отшлифовку законодательных процедур, вместо содействия росту авторитета судов, развитию конкуренции и политике демополизации, в России власти и партии (не только правящие) предпримут усилия как раз в обратном направлении, создав политические, административные и социальные механизмы централизованного контроля над крупной собственностью.

"Зима" опасна тем, что господствующие общественно-политические, социальные и экономические идеи ее являются ложными. Они не спасают, а способствуют разрушению общественного организма. Но, в отличие от очень опасной "средней зимы большой осени", когда ложные идеи действительно захватывают массы и разрушительным ураганом проносятся над землей, "большая зима" не создает массового фанатизма. "Большезимние" ложные идеи не мобилизуют, а дезориентируют людей, общины, общности и общества и, тем самым, подрывают живые силы нации, ее способности к последовательной борьбе и позитивной созидательной работе.

XII. Россия в XXI веке (2030-2100 годов)

Прежде, чем попытаться заглянуть в будущее России за пределами 2030 года, посмотрим на то, что случилось, что происходило в Византии "зимой" 1330-1520 годов. Почему Византия? Потому, во-первых, что эта культура близка русской культуре. Их объединяет православие. Потому также, что это Империя, великая империя, сотни лет доминировавшая в Западной Азии и Восточной Европе, как и Россия. В 1330 году Византия уже не была великой империей, почти "умещаась" лишь на территории метрополии - Греции. Не то же сейчас и с Россией, после крушения соцсодружества и СССР?

В 1204 году крестоносцы захватили и разрушили Константинополь. В результате Византийская империя распалась на семь самостоятельных государств - четыре латинских и три греческих. До 1261г. велись непрерывные войны, в результате которых франки и латиняне были изгнаны и Византийская империя была воссоздана, но в более узких границах по сравнению с прежними.

В это время греков захватила идея возрождения античности, причем с силой, небывалой в прежние эпохи. Причина повышенного, по сравнению с прежними веками, интереса к античности в это время заключалась в стремлении греков духовно противопоставить себя латинским завоевателям. Реакция против латинского завоевания привела к тому, что византийцы начали чувствовать себя настоящими греками, они уже называли себя не "ромеями", а "эллинами".

Вспомним, что это было время "средней зимы большой осени", когда активно торжествуют ложные идеи. Вот такой ложной в основе, но сильной идеей оказалась эллинизация Византии. Эта идея оказалась достаточно сильной, чтобы снова собрать, правда, уменьшенную копию Византийской империи. Эта идея привела к появлению разносторонних культурных деятелей, людей энциклопедических знаний, которые стали учителями итальянского и западноевропейского (но не греческого) Возрождения, к ослаблению духовной власти Церкви в обществе, но ослаблению не конструктивному, как на Западе, а деструктивному, приведшему к росту цинизма и равнодушия в обществе.

В Византийской империи появляется множество школ грамматики, риторики, философии. Это начальные, средние и высшие школы, причем не только духовные, но и светские или светско-духовные. Никею, бывшую одно время столицей самостоятельной империи, современники называли "древними Афинами". Интерес к античности прививался еще в школе. Аристотель и Платон приобрели среди образованных людей авторитет, сравнимый с авторитетом Христа.

После объединения страны в 1259-1261 годах началась эпоха правления династии Палеологов. Увлечение эллинизмом меняет свой характер. Если ранее этот интерес вызывался стремлением противопоставлять себя завоевателям с Запада, то уже к концу XIII века, а тем более в XIV-XV веках увлечение эллинизмом теряет жизненно важное значение, становится книжным и даже способствует уходу (опять уходу!) от насущных потребностей эпохи.

Поэтому не случайно книжное эллинизмо дает существенный положительный результат только в области переводов с греческого на латинский, и с латинского на греческий, и в области филологии. Остальные области культуры высокообразованного общества скорее даже пострадали от попыток подогнать их под мертвые образцы двухтысячелетней давности.

В целом возрождения античности и эллинизма в новой Византии не произошло, хотя, казалось бы, времени было достаточно, так как новая империя существовала двести лет (огромный исторический период). В свете нашей теории возрождения и не могло быть, так в 1330 году наступила "большая зима", дух нации начал впадать в спячку. Возрождения Византийской империи на началах эллинизма (прежде всего афинского духа) не произошло и по той причине, что греки лишь формально наследовали духу эллинов (ахейцев?), их реальным родителем был македонский (арийский?) дух, переживший две реинкарнации в последние десятилетия перед новой эрой и в первые десятилетия восьмого века.

"Восстановленное" здание античности и православное христианство так и не смогли в этот период создать хотя бы политико-социальный синтез. Античность дала небывалый рост светской учености, развития наук, расширение географии путешествий и международных контактов образованных людей, православие именно в этот период (в 1333г.) рождает движение исихастов (молчальников) основоположники которого - афонские монахи, учили, что посредством особой молитвы (исихии) в глубоком уединении многолетней отшельнической жизни, проводимой в молчании, можно увидеть божественный свет, подобный фаворскому сиянию (какой был во время преображения Христа на горе Фавор). Это было окончательное оформление мистического христианства, которое в этот период стало "утешительным", компенсаторным, и также способствовало уходу (снова уходу), но теперь уже не светской образованной элиты, а элиты монашеской, религиозной. Кстати, русское старообрядчество в XVII веке наследовало дух исихастов.

Обе эти элиты мало соприкасались между собой, тем более они не могли сотрудничать между собой в делах общественных и государственных. Не случайно в XIV и особенно XV веках многие ведущие византийские деятели культуры предпочитали работать в Италии и других странах Западной Европы, а не у себя в Греции. Не случайно в этот период из Византии на Запад было перевезено огромное количество книг, древних рукописей. Страна как бы готовилась к смерти, раздавая наследство. "Родственной" России, кстати, от этого наследства в то время немного досталось. Вспомним, что это было время ига.

В 1422 году турки осадили Константинополь, на этот раз безуспешно, но овладели столицей Пелопоннеса Мистрой (это в южной Греции). "Средняя зима большой зимы" начинается взятием Салоники, в 1444 году турки громят союзную армию византийцев и западных государств, в 1453 году взят Константинополь, в 1458 году взяты Афины, в 1461 году уничтожаются остатки старой Византийской империи - Трапезундская империя и Эпирский деспотат. Все. История тысячелетней Империи закончилась, а вместе с ней закончилась более чем двухтысячелетняя (трехтысячелетняя?) история величия маленького греческо-эллинского народа.

Каковы выводы? Каковы возможные общие характеристики периода?

"Зима" в первой своей половине - это время размежевания, дезинтеграции составляющих общественного организма, время раскола его на несколько крупных блоков, слабо взаимодействующих между собой. В Византии мы видим эллинизирующую светскую элиту и исихастующую церковную. Народ далек от тех и от других и в общем равнодушен к религии, властям и даже к Родине. Внутри страны деятельность даже лучших людей бесплодна. Лучшие люди уезжают из страны, вывозя свои знания и духовные ценности. Элита как бы

заведомо смирилась с поражением, сил не хватает даже на ненависть к агрессивным варварам. Многие православные добровольно принимают ислам.

Теперь вернемся в Россию 2030-2100 годов.

Россия экономически еще больше отстанет за это время от Европы и Северной Америки. Теперь уже и Южная Америка по уровню экономического развития будет далеко опережать Россию, а Китай вплотную приблизится к ней.

Государственная идея еще раз окажется дискредитированной, о чем неолбералы будут повторять неустанно. Но и идеи либерального капитализма не завоюют популярности, в том числе и по причине общего кризиса либеральной экономики в 20-е годы XXI века.

Идеи корпоративизма, синдикализма, заключающиеся в том, что все основные участники производства: капиталисты, руководители, инженерно-технические работники, рабочие и прочий персонал составляют единое сообщество производителей, объединенное в иерархию, в которой каждая группа и каждый индивидуум занимает свое место, а вся иерархия конкретного предприятия (акционерного общества) фактически подчиняется не общему собранию акционеров, а совету директоров, включающему двух представителей собственников, представителя отрасли, представителя банка и представителя трудового коллектива. Создается также и наблюдательный орган в составе двух представителей государства. В общем, система окажется достаточно сложной (почти как в древней Спарте, если помните), нам же важно понять не ее структуру (которая, конечно, может быть и иной, здесь я предложил пример навскидку), а результаты ее функционирования.

Результатом работы этой корпоративной системы станет преобразование крупной промышленности (и не только промышленности) в цельную систему, в которой частные и частно-государственные корпорации будут включены в иерархию отрасли, управляемой советами, состоящими из банкиров, государственных и отраслевых чиновников, и очень крупных собственников или их представителей.

Степень вмешательства отраслевых советов в дела предприятий может быть очень велика, хотя, как правило, при нормальном ходе дел власть на предприятиях будет сосредоточена в руках его руководителя, тем более, если этот руководитель одновременно является и его основным собственником. Но, если дела на предприятии ухудшаются или руководитель по каким-то причинам вступает в конфликт с советом директоров и отраслевым советом, то он практически не может удержать власть в своих руках, даже если предприятие является его собственностью (речь идет о больших предприятиях).

Эта доктрина близка к фашистскому корпоративизму, но фашистский корпоративизм был включен в иерархию национальных целей, замкнут в конечном итоге на партию и ее вождя, и потому был агрессивно-милитаристским или милитаристски-оборонительным.

Новый корпоративизм не замкнут на политическую власть, понятие отрасли в нем размыто и не спускается сверху, а лишь ограничивается законами, в том числе и антимонопольными. Поэтому в разных сферах экономики сложатся различные корпорации, в одних они будут похожи на конгломераты, в которых перемешают разнопрофильные предприятия, в других - на концерны, действительно узкой отраслевой направленности, в третьих корпорация будет производить все 100% товаров отрасли, в четвертых, ограниченные антимонопольным законом - только 30%.

Кто и во имя чего создаст эту мозаику и будет вносить в нее изменения? Конечно, это прежде всего конкуренция, но конкуренция не чисто экономических сил, представленных свободным капиталом, а олигополистическая конкуренция этих самых корпораций, вобравших в себя инженерных работников, менеджеров, капиталистов и функционеров отраслевой машины.

Эта новая система в 2030 году только начнет как-то "проклевываться" в Европе, но будет отвергнута в США. В России она найдет самых горячих энтузиастов, так как для государственно ориентированного российского капитализма, трещащего по швам, будет необходима свежая и современная идея, да такая, чтобы его чиновникам и власть сохранить, но и основные проблемы как-то решить, хотя бы дать ход их решению.

Для корпоративного капитализма двадцатых-тридцатых годов XXI века, также как и для его старшего собрата из XX века, характерно деление капитала на хороший и плохой, хороший - производственный, плохой - спекулятивный. Крах фондовых рынков и великих финансовых пирамид "глобального капитализма" сделает идеи корпоративизма весьма популярными.

Поэтому в 30-50 годы Россия пойдет по пути корпоративизации, но со своей национальной спецификой. Она создаст не отраслевой и конкурентный корпоративизм, а корпоративизм государственный, чем-то похожий на итальянский фашистский. Но российское государство не станет агрессивным и тоталитарным государством, российская национальная идея не призовет россиян к защите от внешней угрозы. Поэтому государственная идея не сможет мобилизовать экономическую систему на какие-то общие цели и во имя этого очистить ее от коррупции и лени. Результатом станет угасание и этой идеи, фактическое вырождение ее в тот же самый, только "замуренный" олигархический капитализм уже в конце 40-х годов XXI века.

В это же время в Китае произойдет сверхэффективная реализация корпоративной идеи, соединившей под национальными экспансивными лозунгами китайский капитал и китайский труд. В Европе также утвердятся корпоративизм, но в описанной выше отраслевой форме, в сущности являющейся развитием немецкой модели социальной рыночной экономики.

С тридцатых годов XXI века произойдет еще один "сдвиг пластов" - небывалый прежде рост влияния малого и среднего (мало-среднего) предпринимательства и производимой доли национального продукта мелкими фирмами на индивидуальной и семейной основе. Именно мелкие и мелко-средние предприниматели выведут экономику США из десятилетнего застоя после болезненного кризиса двадцатых годов XXI века. Но в США эти фирмы будут отчаянно конкурировать и бороться за очень узкие сегменты рынков, а в Европе они начнут объединяться в специфические корпорации собственников-тружеников, чем-то похожие на средневековые гильдии ремесленников.

"Зимняя" Россия и здесь сделает досадную ошибку. "Увлечшись" реформированием управления крупными предприятиями, она создаст им исключительные условия, не выгодные мелкому бизнесу, которому придется пробиваться вопреки неадекватным усилиям государства как траве через асфальт.

В 60-е годы XXI века период псевдокорпоративизма в России закончится, но на смену ему придет не "малый цикл" современного корпоративизма или другой адекватной социально-экономической идеи. К тому времени Россия просто потеряет экономическую самостоятельность, четко разделившись на сферы европейского и китайского влияния. Государство уже не будет иметь внутренних сил для самореформирования и практически устранился от какого-либо влияния на экономику, да и социальную политику, оставив себе в основном только военные и полицейские функции.

Экономика, начиная с 60-х годов и до конца столетия, попадет в сферу разнородных иностранных влияний, в том числе транснациональных корпораций "фашистского" и капиталистического формата, которые именно своей многочисленностью и конкурентностью (прежде всего между собой) окажут, хоть и противоречивое, но все же суммарно положительное экономическое влияние. В это время экономический рост в России будет не ниже, чем в соседнем Китае и выше, чем в Европе. В стране будут быстро внедряться новые технологии, и великая техническая революция передвижения в России не запоздает.

Но страна в эти десятилетия будет похожа на лодку, отданную обессиленным гребцом на волю волн. Течение усиливается, впереди шум водопада, а он бездействует. Чего ждет - чуда или гибели? Что толку в том, что лодка движется все быстрее? Стоит ли надеяться, что, отдохнув, он все-таки приведет лодку к берегу?